

◆

Федор Достоевский

ГЛАВНЫЕ КНИГИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Преступление и наказание

Роман с криминальным сюжетом и глубокой религиозно-философской подоплекой. Достоевский размышляет о пагубности гордыни и показывает, что преступление не может быть залогом величия.

альпина
ПРОЗА

ПОЛКА

Федор Михайлович Достоевский

Преступление и наказание

Серия «Главные книги русской литературы (Альпина)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69414805

Преступление и наказание: Альпина Паблишер; Москва; 2023

ISBN 9785961490282

Аннотация

«Нищий и болезненно гордый студент Родион Романович Раскольников решает проверить, способен ли он на поступок, возвышающий его над «обычными» людьми. Для этого он убивает жалкую старую ростовщицу – а затем и ее сестру, случайно оказавшуюся на месте преступления. Достоевский переиначивает детективный сюжет: имя убийцы и состав преступления известны с самого начала, а интригу составляет неотвратимое приближение наказания. Раскольников знакомится с проституткой Соней Мармеладовой, которая способствует его духовному перерождению, по пути к развязке спасает свою сестру от негодяя-жениха и вступает в психологическую дуэль со следователем Порфирием Петровичем. Остросюжетность Достоевский совмещает с предвещающими экзистенциализм

философскими вопросами о свободе личности – и создает один из самых важных романов в истории литературы...»

Содержание

Предисловие «Полки»	14
О чем эта книга?	16
Когда она написана?	17
Как она написана?	21
Что на нее повлияло?	26
Как она была опубликована?	33
Как ее приняли?	35
Что было дальше?	39
Кто такая старуха-процентщица?	43
Сколько человек убил Раскольников?	47
Что означают имена героев романа?	48
Какие психологические предпосылки были к преступлению раскольникова?	51
В чем состоит теория Раскольникова и при чем тут Наполеон?	56
Зачем в романе нужны Свидригайлов и Лужин? Правда ли, что они «двойники» Раскольникова?	60
Почему герои Достоевского постоянно что-то делают нарочно или назло?	64
Что означает сон об убийстве лошади?	67
Какими маршрутами Раскольников ходит по Петербургу?	71

Как устроена внутренняя речь Раскольникова?	76
Как Порфирий Петрович раскусил Раскольникова?	79
Что значит «жить по желтому билету»?	83
Почему раскольников просит Соню Мармеладову прочитать ему о воскресении Лазаря?	86
В каком остроге сидел раскольников и почему за ним поехала соня?	90
Преступление и наказание	93
Часть первая	94
I	94
II	106
Конец ознакомительного фрагмента.	123
Комментарии	

Федор Достоевский

Преступление и наказание

Текст печатается по изданию: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. – Л.: АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом), 1973.

Главный редактор С. Турко

Руководитель проекта Л. Разживайкина

Корректоры Т. Редькина, Е. Чудинова

Компьютерная верстка А. Абрамов

Художественное оформление и макет Ю. Буга

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Оборин Л., предисловие, 2022

© ООО «Альпина Пабlishер», 2023

* * *

Федор Достоевский

Преступление и наказание

Роман в шести частях с эпилогом

ПОЛКА

альпина

ПРОЗА

Федор Достоевский. Фотография Алексея Баумана.
*Первая половина 1860-х годов*¹

¹ Федор Достоевский. Фотография Алексея Баумана. Первая половина 1860-х годов. Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского.

Предисловие «Полки»

Роман с криминальным сюжетом и глубокой религиозно-философской подоплекой. Достоевский размышляет о пагубности гордыни и показывает, что преступление не может быть залогом величия.
Лев Оборин

О чем эта книга?

Нищий и болезненно гордый студент Родион Романович Раскольников решает проверить, способен ли он на поступок, возвышающий его над «обычными» людьми. Для этого он убивает жалкую старую ростовщицу – а затем и ее сестру, случайно оказавшуюся на месте преступления. Достоевский переиначивает детективный сюжет: имя убийцы и состав преступления известны с самого начала, а интригу составляет неотвратимое приближение наказания. Раскольников знакомится с проституткой Соней Мармеладовой, которая способствует его духовному перерождению, по пути к развязке спасает свою сестру от негодяя-жениха и вступает в психологическую дуэль со следователем Порфирием Петровичем. Остросюжетность Достоевский совмещает с предвещающими экзистенциализм философскими вопросами о свободе личности – и создает один из самых важных романов в истории литературы.

Когда она написана?

Первые идеи, которые войдут в роман, писатель формулирует в 1863 году. Непосредственная работа над «Преступлением и наказанием» идет в 1865–1866 годах. Роман постепенно разрастается, вбирая в себя некоторые более ранние замыслы. Параллельно Достоевский обдумывает роман «Пьяненькие» («разбирается не только вопрос [о пьянстве], но представляются и все его разветвления, преимущественно картины семейств, воспитание детей в этой обстановке...») и предлагает его издателю «Отечественных записок» Андрею Краевскому. Тот отвечает отказом.

В это время Достоевский находится в крайне стесненном финансовом положении: после смерти брата Михаила, с которым он вместе издавал журнал «Эпоха», писатель, и сам бедствовавший, взял на себя долги покойного. Его осаждали кредиторы. 2 июля 1865 года Достоевский заключил договор с издателем Федором Стелловским: тот брался выпустить трехтомное собрание сочинений Достоевского и обязал его написать новый роман к 1 ноября 1866-го. В противном случае Стелловский получил бы право в течение девяти лет издавать его произведения, ничего не платя автору; Достоевский был бы разорен, и ему бы грозила долговая тюрьма.

В сентябре 1865-го Достоевский предлагает проект «Пре-

ступления и наказания» (в то время он еще считает, что это будет небольшая повесть) издателю журнала «Русский вестник» Михаилу Каткову². По словам Достоевского, он собирался сочинить «психологический отчет одного преступления» бедного студента. Герой повести «решился убить одну старуху, титулярную советницу, дающую деньги на проценты», а затем жить честно и приносить пользу людям, но в конце концов не выдержал мук совести: «он кончает тем, что принужден сам на себя донести. <...> Преступник сам решает принять муки, чтоб искупить свое дело». Здесь налицо основная сюжетная линия будущего романа, но нет еще ни Мармеладовых (они вскоре перейдут в «Преступление и наказание» из так и не написанных «Пьяненьких»), ни Свидригайлова, ни других важных персонажей.

Достоевский усердно работает над романом всю осень, но в конце ноября сжигает написанное и начинает заново. Первые две части романа он отправляет Каткову в декабре 1865-го, затем, уже после их публикации, продолжает работу на протяжении всего 1866 года – постоянно отбиваясь от кредиторов (их именами он награждает в черновиках ро-

² Михаил Никифорович Катков (1818–1887) – издатель и редактор литературного журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости». В молодости Катков известен как либерал и западник, дружит с Белинским. С началом реформ Александра II взгляды Каткова становятся заметно консервативнее. В 1880-е он активно поддерживает контрреформы Александра III, ведет кампанию против министров нетитульной национальности и вообще становится влиятельной политической фигурой, а его газету читает сам император.

мана некоторых персонажей).

Кризисный момент наступает в июне: Стелловский напоминает, что в ноябре ждет от Достоевского новый роман, и писатель решается на «небывалую и эксцентрическую вещь» – писать два романа одновременно. Параллельно с «Преступлением и наказанием» он сочиняет «Игрока» – и здесь происходит одно из главных событий его жизни. Для скорости он решает нанять стенографистку, и ему рекомендуют молодую девушку Анну Сниткину. Достоевский диктует ей «Игрока» – роман завершен меньше чем за месяц, писатель спасен. Довольный работой со Сниткиной, Достоевский предлагает ей стенографировать завершение «Преступления и наказания» – но его интерес к помощнице уже совсем не профессиональный. Вскоре он делает Сниткиной предложение, в начале 1867-го она выходит за Достоевского замуж и до конца его дней остается настоящим его ангелом-хранителем. В канун нового, 1867 года «Преступление и наказание» окончено – невероятный темп для одного из главных романов в истории мировой литературы. Достоевский жаловался в письме: «Я убежден, что ни единый из литераторов наших, бывших и живущих, не писал под такими условиями, под которыми я постоянно пишу, Тургенев умер бы от одной мысли».

Усадьба в Люблине. 1902 год. Здесь Достоевский писал
«Преступление и наказание» летом 1866 года³

³ Усадьба в Люблине. 1902 год. Из открытых источников.

Как она написана?

Первое, что бросается в глаза, – динамичность, острота сюжета. Для многих «серьезных» произведений это был бы скорее минус, но Достоевский, во многом опираясь на структуру авантюрного романа^[1], извлекает из этого одни преимущества. При огромной скорости работы он умудряется выстроить сложнейшую систему персонажей и отношений. Мы с самого начала знаем убийцу, но с интересом следим за его изобличением, улавливаем многочисленные параллели к его поведению в поступках и словах других героев – и в то же время ему сопереживаем.

После работ Михаила Бахтина широко распространилось представление о том, что зрелая проза Достоевского полифонична: в его романах происходит напряженный диалог не просто между главными героями, но между их сознаниями – вполне субъектными, самостоятельными, а не просто выражающими различные мысли автора. Хотя в центре «Преступления и наказания» – сознание Раскольникова, альтернативы ему, пусть в чем-то родственные, можно увидеть в других героях – Свидригайлове, Мармеладове, Порфирии Петровиче. Противоборство этих сознаний, взглядов на жизнь и этики мы и наблюдаем в долгих диалогах героев. Диалог вообще движущая сила прозы Достоевского; по несочувственному отзыву Набокова, ему, «казалось, самой судь-

бой... было уготовано стать величайшим русским драматургом, но он не нашел своего пути и стал романистом»^[2].

Черновик «Преступления и наказания». Из собраний Дома-музея Достоевского⁴

В каком-то смысле «Преступление и наказание» можно назвать инвариантом⁵ сюжета Достоевского: по словам исследователя Сергея Аскольдова, «преступление в романах Достоевского – это жизненная постановка религиозно-этической проблемы. Наказание – это форма ее разрешения»^[3]. Таким образом, хотя «Достоевский никогда не пропускает случая прибегнуть к сильным эффектам»^[4], криминальная завязка романа – не поблажка публике, охочей до острых переживаний, а необходимое условие для разворачивания философского конфликта. Согласно Борису Энгельгардту, Достоевский писал «не романы с идеей... но романы об идее»^[5]. В «Братьях Карамазовых» Алеша так характеризует своего брата Ивана: «Он из тех, которым не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить». Раскольников тоже из этой породы.

Можно говорить и о стилистической полифонии «Преступления и наказания». Несмотря на то что доминанта романа – страстные, иногда исступленные реплики (внутренние монологи Раскольникова, исповедь Мармеладова, вос-

⁴ Черновик «Преступления и наказания». Из собраний Дома-музея Достоевского. © РИА «Новости».

⁵ Инвариант – общая схема сюжета, не меняющаяся от произведения к произведению.

клицания Сони), другие герои могут весело шутить (Разумихин), занудствовать (Лужин), ерничать (Порфирий Петрович), неторопливо размышлять как бы сами с собой (Свидригайлов). Позволяет себе юмористический тон и сам «не погрешающий» автор, особенно когда прохаживается насчет иностранцев (например, в изображении квартирной хозяйки Амалии Людвиговны с ее ломаной русской речью. Характерно, что ругательство Катерины Ивановны – «куриная нога в кринолине» – принадлежит самому Достоевскому, который звал так знакомую немку-гувернантку^[6].

Что на нее повлияло?

На «Преступление и наказание» повлияли как многочисленные литературные традиции, так и реальные события. Обычно называют двух возможных прототипов Раскольникова: приказчика Герасима Чистова, который в 1865 году совершил двойное убийство с целью ограбления, и французского убийцу Пьера Франсуа Ласнера, казненного в 1836-м. Ласнер бахвалился своими преступлениями и, по словам Достоевского, называл себя «мстителем, борцом с общественной несправедливостью». Он был, кроме того, литератором (Раскольников тоже написал статью о психологии преступника), а Чистов – старообрядцем, или, по-другому, раскольниковом. Еще одно преступление, которое «произвело на Достоевского сильнейшее впечатление»^[7], – покушение бывшего студента Каракозова на Александра II. Оно было совершено в то время, когда Достоевский писал «Преступление и наказание», и могло повлиять на его финал.

В «Преступлении и наказании» можно найти аллюзии на многие наверняка или предположительно известные Достоевскому книги – от «Ревизора» Гоголя и «Парижских тайн» Эжена Сю⁶ до философских работ Макса Штирнера

⁶ Эжен Сю (1804–1857) – французский писатель. Автор романов из морского быта (например, «Кернок-пират», «Саламандра»), исторических («Латреомон», «Жан Кавалье») и салонных («Матильда», «Артур», «Чертов холм») романов.

и трудов Чарльза Дарвина. Михаил Бахтин возводит генеалогию прозы Достоевского к европейским авантюрным романам и через них к сократическим диалогам и менипповой сатире – жанру, особенности которого Бахтин пытался реконструировать; среди этих особенностей – карнавальность⁷ (одна из важнейших бахтинских эстетических категорий), установка на диалог, исключительные, «сенсационные» события, мотив поиска правды и «трущобный натурализм». Все это действительно можно встретить в «Преступлении и наказании», хотя в большей степени это характерно для комической и фантастической прозы Достоевского.

В 1840-х годах Сю увлекся социалистическими теориями, под их влиянием написаны романы «Вечный жид», «Парижские тайны», роман «Тайны народа» в 16 томах. После переворота Наполеона III был выслан из Парижа.

⁷ Этим термином Бахтин обозначил влияние традиций средневекового карнавала на культуру Нового времени. Суть карнавала сводится к «инверсии двоичных противопоставлений», то есть все переворачивается с ног на голову: шут становится королем, богохульник – епископом и т. д. Теорию карнавала Бахтин изложил в работах «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» и «Проблемы поэтики Достоевского».

Пьер Франсуа Ласенер вместе с подельником убивают Жана Франсуа Шардона и его мать. 1858 год⁸

Очень важна для «Преступления и наказания» европейская романтическая традиция. В рассуждениях Раскольникова об ощущениях приговоренного к казни сказывается не только личный опыт⁹ Достоевского, но и повесть Виктора Гюго «Последний день приговоренного к смерти». В черно-

⁸ Пьер Франсуа Ласенер вместе с подельником убивают Жана Франсуа Шардона и его мать. 1858 год. © AGE / East News.

⁹ Достоевский был осужден за чтение письма Белинского в кружке петрашевцев и приговорен к смертной казни, которую заменили каторгой.

виках романа Достоевский сравнивает Раскольникова с разбойником Жаном Сбогаром – протагонистом романа Шарля Нодье¹⁰. Герои «Преступления и наказания» не случайно много раз поминают Шиллера, который был в числе любимых авторов Достоевского; одним из литературных прототипов Раскольникова можно назвать главного героя «Разбойников» Карла Моора. Другие архетипические предки Раскольникова – Гамлет и Фауст: страдающие, терзающиеся герои, которым приходится совершить убийство или косвенно в нем поучаствовать.

¹⁰ Жан Шарль Эммануэль Нодье (1780–1844) – французский писатель, энтомолог. Служил библиотекарем. Известность ему принес разбойничий роман «Жан Сбогар». Был участником объединения французских романтиков «Сенакль», писал фантастические и сатирические повести.

Революционер-террорист Дмитрий Каракозов. 1865 год. Покушение Каракозова на Александра II произвело на Достоевского сильнейшее впечатление¹¹

Среди русских литературных влияний исследователи называют произведения Пушкина: «Пиковую даму» (в которой молодой человек становится причиной смерти старухи), «Моцарта и Сальери» (идея «несовместности» гения и злодейства), «Бориса Годунова» (мотив раскаяния в преступлении). Топографически верные, но вместе с тем зловещие образы российской столицы вызывают в памяти не только «Физиологию Петербурга» с ее описаниями петербургских трущоб, но, конечно, и Гоголя, чья проза сохраняла влияние на Достоевского на протяжении всей его жизни.

Как показал Юрий Тынянов, литературные влияния у Достоевского зачастую приобретают пародийную окраску^[8]. В «Преступлении и наказании» появляется карикатурный нигилист Лебезятников, «с третьего голоса» перепевающий идеи революционеров. Он заявляет: «Мы пошли дальше в своих убеждениях. Мы больше отрицаем! Если бы встал из гроба Добролюбов, я бы с ним поспорил. А уж Белинского закатал бы» Он делает нелепые комплименты Петру Петровичу Лужину: «Приписывал ему готовность способствовать будущему и скорому устройству новой “коммуны” где-нибудь в Мещанской улице; или, например, не мешать

¹¹ Революционер-террорист Дмитрий Каракозов. 1865 год. © РИА «Новости».

Дунечке, если той, с первым же месяцем брака, вздумается завести любовника; или не крестить своих будущих детей и проч., и проч. – все в этом роде». Легко узнать здесь утрированную риторику из тургеневских «Отцов и детей» и опошленную идеологию «Что делать?» Чернышевского – так Достоевский в своем в общем не политическом романе одним краем задевает «антинигилистическую» тенденцию русской прозы 1860-х. Впрочем, дальше Лебезятников, несмотря на свою пошлость, оказывается честным человеком, разоблачая обман Лужина: драматичная сцена, в которой Соню обвиняют в краже ста рублей, а потом этот обман раскрывается, напоминает уже не о русских писателях, а о Диккенсе – почти такой же эпизод можно встретить в «Лавке древностей». Дух Диккенса носится и над одной из следующих сцен, где сошедшая с ума Катерина Ивановна пытается заставить своих детей просить милостыню. Диккенс был одним из любимых писателей Достоевского (правда, история о его встрече с Диккенсом в Лондоне не более чем легенда).

Как она была опубликована?

Роман печатается в журнале «Русский вестник» на протяжении всего 1866 года – обычная для XIX века «сериальная» модель публикации крупных произведений. Сотрудничество было взаимовыгодным: Достоевский избавлялся от долгов, а «Русский вестник» получал известного автора, что прекрасно сказалось на его тираже.

Первые две части выходят в январском и февральском номерах, но дальше возникает заминка: Катков решает отложить публикацию после покушения Дмитрия Каракозова на Александра II. Вероятно, сыграло роль то, что Каракозов, как и Раскольников, был недоучившимся студентом, а печатать подробный самоанализ преступника было опасно в «горячих» политических обстоятельствах (после выстрела Каракозова власти, например, закрыли журнал «Современник»). Это не единственное совпадение «Преступления и наказания» с реальностью: перед самым началом публикации московский студент по фамилии Данилов убил ростовщика и его служанку – преступление широко обсуждалось в печати, причем журналисты сопоставляли Данилова с Раскольниковым.

Публикация возобновляется в апреле и с перерывами длится до декабря. Параллельно в том же «Русском вестнике» печатается «Война и мир» Толстого – два величайших

русских романа с самого начала стоят рядом.

Первое отдельное издание романа в двух томах выходит в 1867 году, Достоевский вносит в него существенные поправки. В 1870-м «Преступление и наказание» выходит в том самом собрании сочинений, которое печатал жестокий издатель Стелловский; последнее прижизненное издание романа состоялось в 1877 году.

Как ее приняли?

Скажем так: неравнодушно. Первым и глубоко апологетическим отзывом на роман – сразу после начала публикации – стала анонимная заметка в газете «Голос»: рецензент считал, что роман «обещает быть одним из капитальных произведений автора “Мертвого дома”», подчеркивал «потрясающую истину» в описании преступления Раскольникова и особенно хвалил сон об убийстве лошади. Следующая заметная рецензия вышла в «Современнике» – за авторством Григория Елисеева. Она сразу же превратилась в курьез: Елисеев уловил в романе, кажется, только то, что Раскольников был студентом и что разговоры о преступлении ради справедливости – это «самые обыкновенные... молодые разговоры и мысли», и заявил, что у Достоевского «целая корпорация молодых юношей обвиняется в повальном покушении на убийство с грабежом». Обо всех терзаниях героев Елисеев высказывался так: «...автор в восторге от написанной им дребедени, вероятно, воображает себя знатоком человеческого сердца, чуть-чуть не Шекспиром».

Отзыв «Современника» и другие выдержанные в том же духе реплики из «демократического лагеря» ернически утрирует анонимный рецензент газеты «Гласный суд» – он изобразил ажиотаж вокруг романа («особенно в провинции»):

Только, бывало, и слышишь толки: ах, какой глубокий анализ! Удивительный анализ!.. О, да! – подхватывала другая барыня, у которой и самой уже возбуждилось желание пустить в дело это новое словечко, – анализ действительно глубокий, но только знаете ли что? – прибавляла она таинственно, – говорят, анализ-то потому и вышел очень тонкий, что сочинитель сам был... при этом дама наклонялась к уху своей удивленной слушательницы... Неужели?.. Ну да, зарезал, говорят, или что-то вроде этого...

Это очевидное издевательство, но оно кое-что говорит о популярности «Преступления и наказания».

Совсем другой тон взял писатель Николай Ашхарумов, напечатавший свою рецензию в журнале «Всемирный труд». Он разбирал несостоятельность теории Раскольникова («И где у него эти высшие цели?.. Где силы Ньютона и где открытия Кеплера?..»), ставил под сомнение его восхищение «необыкновенными людьми» («Если их и венчала толпа, то ведь он же за то и презирает толпу») – и первым высказал мнение, которое впоследствии не раз произносилось: Раскольников – поэт, писатель, почти такой, как Достоевский, только Достоевский как раз никого бы не зарезал:

Мы должны допустить, что автор сделал ошибку, не отделив достаточно ясной чертой себя от своего создания. <...> Анализ, в основе своей глубоко верный, получил ложный оттенок, и этот ложный оттенок явился вокруг головы Раскольникова какою-то бледною

ореолою падшего ангела, которая вовсе ему не к лицу.

Две статьи¹² о «Преступлении и наказании» опубликовал Дмитрий Писарев. Он, по своему обыкновению, подходит к роману «объективно»: выводит преступление Раскольникова из его социального положения – «мелкой и неудачной борьбы за существование». Обычные человеческие чувства, любовь к родным «становятся противозаконными и противообщественными... с той минуты, как Раскольников превратился в голодного и оборванного бедняка». Теорию Раскольникова Писарев всячески старается «отвязать» от воззрений «новых людей», сопоставление Наполеона с Ньютоном и Кеплером отвергает («никакая любовь к идее никогда не могла превратить их в мучителей по той простой причине, что мучения никого не убеждают, а следовательно, никогда не приносят ни малейшей пользы той идее, во имя которой они производятся»), а идею о, как говорится, роли личности в истории критикует с позитивистских позиций: по его мнению, отдельная личность может совершать великие дела, только когда совпадает с «великими общими причинами» (прямо-таки толстовская «сила, движущая народами»).

Николай Страхов в статье «Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание», напротив, прямо увязывал поведение «честного убийцы» Раскольникова с нигилистской блажью: «Автор взял нигилизм в самом крайнем его развитии, в той точке, дальше которой уже почти некуда идти. <...> От девушек-

¹² «Будничные стороны жизни» (1867) и «Борьба за существование» (1868).

ки, из теории обстригающей себе косу, до Раскольникова, из теории убивающего старуху, расстояние велико, но все-таки это явления однородные». Впрочем, «Раскольников не есть тип»: его преступление все же «случай в высокой степени характеристический, но исключительный», и для заблудшего героя, как и для нигилистов, не все потеряно:

Ведь нет никакого сомнения, что душа у них все-таки просыпается с своими вечными требованиями. Притом не все же они пусты и сухи. <...> Даже само страшное дело, совершенное Раскольниковым, для людей, коротко его узнавших, указывает на силу души, хотя извращенную и заблудшуюся.

Страхов считал, что Достоевский не до конца справился со своей огромной задачей: несмотря на «воскресение» Раскольникова в эпилоге, читатель так и не получает «внутреннего переворота в Раскольникове... пробуждения в нем истинно человеческого образа чувств и мыслей». Самое замечательное в страховской статье – анализ психологии Раскольникова: как мы помним, первая формулировка замысла Достоевского – «психологический отчет одного преступления», и Страхов говорит о том, насколько убедительно показано восприятие Раскольниковым собственного поступка, во всех стадиях, вплоть до неизбежного финала. «Вы один меня поняли», – позже сказал Страхову Достоевский.

Что было дальше?

За «Преступлением и наказанием» последовали остальные романы из «великого пятикнижия» Достоевского – «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы». Еще при жизни Достоевского отрывок из «Преступления и наказания» перевели на французский; в 1880-е книга была переведена на основные европейские языки. Роман оказал важное влияние на западную литературу – оно было ощутимо уже в XIX веке (можно вспомнить роман Поля Бурже «Ученик» 1889 года), но по-настоящему сказалось в XX: мотивы «Преступления и наказания» можно встретить у английских модернистов, таких как Вирджиния Вулф и Д. Г. Лоуренс, у французских экзистенциалистов Сартра и Камю (особенно в «Постороннем»). Еще отчетливее следы «Преступления и наказания» в немецкоязычной прозе – назовем Густава Мейринка, Леонгарда Франка, Йозефа Рота, Стефана Цвейга, Роберта Музиля^[9].

В России отношение к «Преступлению и наказанию» менялось вместе с восприятием Достоевского вообще. В конце XIX века «демократическому» пониманию писателя (которое отстаивал, например, Николай Михайловский, призывавший не делать из Достоевского пророка) уже противостояло христианское, мистическое, протосимволистское – в первую очередь так смотрел на Достоевского и «Преступ-

ление и наказание» друг писателя, философ Владимир Соловьев. Для него было очевидно, что идея романа выводится из биографии Достоевского, с которым духовное перерождение, как и с Раскольниковым, произошло на каторге:

Положительный общественный идеал еще не был вполне ясен уму Достоевского по возвращении из Сибири. Но три истины в этом деле были для него совершенно ясны: он понял прежде всего, что отдельные лица, хотя бы и лучшие люди, не имеют права насиловать общество во имя своего личного превосходства; он понял также, что общественная правда не выдумывается отдельными умами, а коренится во всенародном чувстве, и, наконец, он понял, что эта правда имеет значение религиозное и необходимо связана с верой Христовой, с идеалом Христа.

Схожие мысли о «Преступлении и наказании» можно прочесть у Константина Леонтьева, – впрочем, Леонтьев полагал, что в этом романе Достоевский еще мало думал о подлинном христианстве (к примеру, Соня Мармеладова отслужила только панихиду по отцу, а должна бы служить молебны, советоваться с духовниками и монахами, прикладываться к чудотворным иконам и мощам, читать не только Евангелие, а жития святых).

Чем дальше критика Достоевского уходила от позитивизма, тем больше говорилось о центральном значении «Преступления и наказания» среди его романов. Василий Роза-

нов даже предлагал понимать все прочие тексты Достоевского «как обширный и разнообразный комментарий к самому совершенному его произведению – “Преступление и наказание”». Дмитрий Мережковский писал: «У Достоевского всюду – человеческая личность, доводимая до своих последних пределов, растущая, развивающаяся из темных, стихийных, животных корней до последних лучезарных вершин духовности». О героях Достоевского, переступающих запретную черту, Мережковский говорит: «Их страсти, их преступления, совершаемые или только «разрешаемые по совести», суть неизбежные выводы их диалектики». Инвариант этого сюжета, этих мотивировок, конечно, в «Преступлении и наказании».

В целом с наступлением XX века оценку «Преступления и наказания» как одного из главных романов в мировой литературе уже ничто не могло поколебать, хотя в этом веке у Достоевского были серьезные ненавистники (Бунин: «Ненавижу вашего Достоевского! <...> Он все время хватает вас за уши и тычет, тычет, тычет носом в эту невозможную, придуманную им мерзость, какую-то душевную блевотину»; Набоков: «Убийца и блудница за чтением Священного Писания – что за вздор! <...> Это низкопробный литературный трюк, а не шедевр высокой патетики и набожности»). Роман стал предметом множества интерпретаций – литературоведческих, психоаналитических^[10], религиозных и, конечно, театральных и кинематографических. Он больше 20 раз

экранизировался в разных странах; первой кинопостановкой стал немой фильм Василия Гончарова (1909, не сохранился). Из советских и российских экранизаций нужно отметить фильм Льва Кулиджанова (1969). Некоторые режиссеры, признавая за сюжетом Достоевского культурную архетипичность, перенесли действие в другие страны или в современность. Например, так поступил Аки Каурисмяки, для которого вольная экранизация Достоевского стала полнометражным дебютом.

Кто такая старуха-процентщица?

Для петербуржца 1860-х старуха-процентщица – вполне узнаваемый типаж. Мелкое ростовщичество (как сейчас ска-зали бы, микрозаймы) стало в это время очень распростра-ненным явлением: обитатели трущоб, верхних этажей доход-ных домов, рабочие, студенты, чиновники – все жили бед-но. «Только в одном номере... “Ведомостей С.-Петербург-ской полиции” за 1865 г. помещено одиннадцать объявлений об отдаче денег на проценты под различные залоги», – со-общает комментатор «Преступления и наказания»^[11]. Усло-вия выкупа залогов были суровыми, но свою старуху До-стоевский делает нетипично скаредной: она «дает вчетве-ро меньше, чем стоит вещь» и удерживает проценты вперед («по гривне в месяц с рубля», то есть 10 процентов). Бла-годаря такой оборотистости она, вдова бедного чиновника (коллежского регистратора или коллежского секретаря – До-стоевский путается в показаниях), сколачивает неплохой ка-питал: полиция находит в ее квартире около полутора тысяч рублей, да еще чуть больше трехсот уносит оттуда Расколь-ников. Молва приписывает ей еще большее богатство («мо-жет сразу пять тысяч выдать»).

Ростовщичеством занимались не обязательно старухи. Сам Достоевский еще в 1840-х был вынужден прибе-гать к услугам «одного отставного унтер-офицера, бывшего

прежде приемщиком мяса у подрядчиков во 2-м Сухопутном госпитале и дававшего деньги под заклад». Сосед Достоевского в те годы, врач Александр Ризенкампф, писал: «Понятно, что при этой сделке Федор Михайлович должен был чувствовать глубокое отвращение к ростовщику. Оно, может быть, припомнилось ему, когда, столько лет спустя, он описывал ощущение Раскольникова при первом посещении им процентщицы»^[12].

Старуха появляется в романе именно потому, что она стара, заживает чужой век, скоро умрет и убийство лишь приблизит ее конец. Судя по всему, на Достоевского здесь повлиял роман Бальзака «Отец Горио». Вот отрывок из черновика Пушкинской речи¹³ Достоевского:

У Бальзака в одном романе, один молодой человек, в тоске перед нравственной задачей, которую не в силах еще разрешить, обращается с вопросом к (любимому) своему товарищу, студенту, и спрашивает его: «Послушай, представь себе, – ты нищий, у тебя ни гроша, и вдруг где-то там, в Китае, есть дряхлый, больной мандарин, и тебе стоит только здесь, в Париже, не сходя с места, сказать про себя: умри, мандарин, и за смерть мандарина тебе волшебник [пошлет] сейчас

¹³ Достоевский произносит речь о Пушкине в 1880 году на заседании Общества любителей российской словесности, главным ее тезисом была мысль про народность поэта: «И никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни после него, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин». Речь имела громадный успех и с предисловием и дополнениями была опубликована в «Дневнике писателя».

миллион и никто этого не узнает, и главное, он ведь где-то в Китае, он мандарин все равно, что на Луне или на Сириусе, – ну что, захотел бы ты сказать – умри, мандарин, чтоб сейчас же получить этот миллион?»

Бальзак, в свою очередь, заимствует эту моральную дилемму у Шатобриана. Другой литературный источник образа процентщицы – старая графиня из «Пиковой дамы», которая вместо богатства приносит Германну сумасшествие.

Впрочем, у старухи-процентщицы мог быть один вполне конкретный, не литературный прототип – тетка писателя, купчиха Александра Куманина. Она была очень богата, но все свои деньги завещала «на украшение церквей и поминовение души»^[13], отказав в помощи осиротевшим детям Михаила Достоевского, брата писателя. Вспомним, что и Алена Ивановна свои деньги завещала монастырю. Достоевский имел основания быть благодарным тетке (она деньгами способствовала его поступлению в Инженерное училище), но впоследствии его тяготил вопрос о «куманинском наследстве». В последний раз он говорил об этом с сестрой Верой: та просила его отказаться от своей доли в куманинском имении в пользу ее детей. Достоевского этот тяжелый разговор так потряс, что у него пошла горлом кровь, а через два дня он скончался. В истории семьи писателя есть еще один макабрический отзвук «Преступления и наказания»: в 1893 году была убита другая сестра покойного Достоевского, Варвара Карепина, отличавшаяся, по воспоминаниям,

«патологической скупостью». Убийцами оказались дворник Карепиной и его дальний родственник.

Николай Карзин. Иллюстрация к «Преступлению и наказанию». 1893 год¹⁴

¹⁴ Николай Карзин. Иллюстрация к «Преступлению и наказанию». 1893 год. Из открытых источников.

Сколько человек убил Раскольников?

Этот вопрос может показаться странным: ясно же, что двух. Но стоит вспомнить, что Лизавета, сестра старухи-процентщицы, «поминутно была беременна», а из черновых редакций «Преступления и наказания» следует, что беременна она была и в момент убийства: в одной редакции Настасья рассказывает, что погибший ребенок был «лекарский», зачатый от доктора (то есть от Зосимова), а в другой сообщается совсем шокирующая подробность: «А ведь ее ж потрошили. На шестом месяце была. Мальчик. Мертвенький». По одной из версий, на исключении этого места настоял публикатор романа Михаил Катков.

Если не считать нерожденного ребенка, который в конце концов не попал в итоговый текст, мы помним, что Раскольников настаивает: убив старуху, он символически убил себя. «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!...»

Впрочем, и себя Раскольников убил не окончательно: в конце концов в остроге он, лишившись уничтожавшей его гордости, «воскресает». Однако еще одна жертва в его деле все же есть: это мать Раскольникова, Пульхерия Александровна, которая не выдерживает потрясений, связанных с судьбой сына, и умирает через несколько месяцев после его ареста.

Что означают имена героев романа?

Фамилия Раскольников говорит о его происхождении из старообрядческого («раскольникового») рода – и, разумеется, намекает на топор, орудие убийства в «Преступлении и наказании». Более того, инициалы Родиона Романовича Раскольникова – Р. Р. Р. – напоминают топоры даже визуально, не исключено, что это намек на совершенные героем убийства (старухи, Лизаветы и ее нерожденного ребенка – или, если ребенка не было, на символическое убийство себя самого). Имя Родион означает «житель Родоса», а Роман – «римлянин»; таким образом, в имени героя трижды закодирована чуждость, отдельность. Примечательно, что убивший в 1865 году топором двух старух грабитель Герасим Чистов был старообрядцем – раскольниковом; скорее всего, это повлияло на выбор фамилии для героя Достоевского.

Другие имена и фамилии в романе тоже значимы. В жизни несчастных Мармеладовых нет никакой сладости – в этой фамилии звучит горькая насмешка^[14], зато имя Соня, то есть София, апеллирует к «стихии высшей мудрости, которая, согласно народным верованиям, скрыта от “мудрецов”, но зато открыта чистым сердцем “детям” и блаженным духом»^[15]. Заурядная фамилия Лужин, стоит нам узнать поближе этого героя, наводит на ассоциации с грязной лужей; в свою очередь, фамилия Разумихина помимо явно семинарского про-

исхождения обличает его «положительность».

Мужской цилиндр. 1870-е годы. Раскольников носит «циммермановскую» (то есть купленную в магазине Циммермана) шляпу – до неприличия изношенный цилиндр¹⁵

Фамилия Свидригайлов происходит от имени литовского великого князя Свидригайло, но с князем этого персонажа ничто не связывает. Достоевский, судя по всему, запомнил

¹⁵ Мужской цилиндр. 1870-е годы. pngitem.com.

эту фамилию по журналу «Искра»: в 1861 году там был опубликован фельетон о некоем чиновнике особых поручений Свидригайлове – «человеке темного происхождения, с грязным прошедшим», «личности отталкивающей, омерзительной для свежего честного взгляда, вкрадчивой, вползающей в душу» – все сходится.

Наконец, фамилия еще одного, совсем эпизодического, персонажа – портного Капернаумова, в чьей квартире нанимает комнату Соня, – отсылает к Евангелию: в галилейском Капернауме проповедовал и совершал чудеса Христос, а рядом с Капернауом находился город Магдала – родина раскаявшейся блудницы Марии Магдалины, с которой очевидным образом сопоставляется Соня. Еще одно значение слова «капернаум» в русском языке времен Достоевского – кабак, притон; это отражает амбивалентность и Сони, и петербургского дна, на котором можно вдруг увидеть путь к спасению.

Какие психологические предпосылки были к преступлению раскольников?

Ставить диагнозы литературным персонажам – рискованное занятие, но многое о психологическом состоянии Раскольникова можно сказать определенно. Попытки проанализировать «Преступление и наказание» с точки зрения медицины делались: психиатр Андрей Петрушин вообще считает роман Достоевского точной историей болезни, которую можно сверять с академическим «Руководством по психиатрии»^[16]. В работе Петрушина можно встретить термины «шизоидная акцентуация», «аутизация», «синдром Кандинского – Клерамбо», «ментизм»; все это, по мнению врача, складывается в картину шизофрении или, мягче, шизотипического расстройства. Различные попытки определить расстройство героя есть и в самом романе. На суде над Раскольниковым защита прибегает к «новейшей модной теории временного умопомешательства»; до этого родные Раскольникова, друг Разумихин, даже следователь Порфирий Петрович постоянно подозревают у него «горячку», «белую горячку» – эти слова встречаются и в авторских репликах, и в замечаниях критиков романа. Но белая горячка – обиходное название алкогольного делирия, а алкоголизмом Рас-

кольников отнюдь не страдает. Его болезненную раздражительность, сменяющуюся апатией, можно приписать неврастении, которая связана с переутомлением и полуголодным образом жизни (единственный врач в романе, Зосимов, так и говорит – с поправкой на просторечие Разумихина: «Нервный вздор какой-то, паек был дурной, говорит, пива и хрену мало отпускали, оттого и болезнь»). Но обостренное чувство гордости сюда, пожалуй, уже не вписывается.

Раскольников бросается из крайности в крайность: сначала хочет спасти от приставаний девочку на бульваре, потом бросает: «Пусть его позабавится»; сначала отдает Мармеладовым все деньги, потом укоряет себя: «Тут у них Соня есть, а мне самому надо»; перед убийством продумывает такую деталь, как петля для топора под пальто, а затем совершает одну оплошность за другой. Японский исследователь Достоевского Кэнноске Накамура пишет, что Раскольников «пребывает в жестокой депрессии»^[17]. В поведении героя легко заметить параноидальные черты, его реакции резки и импульсивны, хотя и проникнуты ощущением моральной правоты: мать Раскольниковы явно опасается своего сына, когда просит его не судить поспешно о Лужине и объясняет, почему не рассказала о том, что к Дуне приставал Свидригайлов. В «наполеоновской» теории, конечно, можно углядеть признаки мегаломании; Порфирий Петрович употребляет и термин XIX века «мономания».

Достоевский не любил, когда его называли психологом,

и «к современной ему психологии – и в научной и в художественной литературе и в судебной практике... относился отрицательно»^[18]. Страдания, «нерешенность» души в его прозе – не предмет медицинского анализа; Раскольников в той же мере исключителен, в какой и является человеком вообще. Разумеется, его психика до крайности расшатана, и в этом состоянии болезненная идея преступить закон, нарушить людские установления становится для него важнее, чем какие-либо материалистические мотивы. Его будто несет к цели, к роковому поступку; жизнь дает ему возможности подсознательно подыскать себе оправдание. В книге о Достоевском Виктор Шкловский относит к таким возможностям встречу с Мармеладовым: «Пьяненький оказался человеком, затоптанным жизнью; он связан с судьбой Раскольникова не только тем, что Родион видит его и его семью, но и тем, что негодование за участь семьи Мармеладова на время помогает Раскольникову снять с себя бремя раскаяния»^[19].

В первоначальном замысле Достоевского основным мотивом преступления было желание обеспечить мать и сестру. Но затем, по мере усложнения образа Раскольникова, деньги уходят на второй план (хотя письмо от матери, еще больше подогревшее взвинченное состояние героя, конечно, сыграло роль в его решении). Главным становится желание переступить через себя, через социальный запрет, полагаемый естественным; слово «преступление» здесь приобретает буквальный смысл, высвобождает свою внутреннюю форму.

Нужно вспомнить, что по всему роману разбросана система «триггеров», случайностей, которые обуславливают действие, «двойников», которые словом или делом копируют Раскольникова. Например, вполне возможно, что он не решился бы на убийство, если бы не подслушал в трактире еще одного студента, говорившего о той же самой старухе-процентщице:

– Позволь, я тебе серьезный вопрос задать хочу, – загорячился студент. – Я сейчас, конечно, пошутил, но смотри: с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет. Понимаешь? Понимаешь?

– Ну, понимаю, – отвечал офицер, внимательно уставясь в горячившегося товарища.

– Слушай дальше. С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, – и все это на ее деньги. Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное

преступленьице тысячами добрых дел?

Раскольникову чрезвычайно волнует, что студент высказывает «такие же точно мысли», которые мучат его самого. «Этот ничтожный, трактирный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела» – и, вполне возможно, дело как раз в том, что Раскольников не мог стерпеть конкуренции. Наполеоном, который ценой жизни ничтожной старухи сотворит величайшее добро, достигнет истинного величия и, главное, посмеет презреть людские установления, мог быть только он, а не какой-то другой студент.

В чем состоит теория Раскольникова и при чем тут Наполеон?

О теории Раскольникова мы узнаём сначала со слов Порфирия Петровича, потом из объяснений главного героя. За несколько месяцев до убийства старухи и ее сестры Раскольников написал статью о «психологическом состоянии преступника в продолжении всего хода преступления». Главной, однако, в статье была мысль, «пропущенная намеком»: люди делятся на «обыкновенных» и «необыкновенных», и необыкновенным, исключительным людям можно простить преступления, если цель оправдывает средства:

...Если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия вследствие каких-нибудь комбинаций никоим образом не могли бы стать известными людям иначе как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути как препятствие, то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... устранить этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству.

В описании этой теории легко увидеть критику революционеров, которые оправдывают жертвы на пути к светлому будущему такой же «арифметикой»^[20]. Но Раскольников идет дальше: выясняется, что дело уже не в открытиях и не

в пользу человечества, а единственно во власти, в праве попира́ть законы «обычных» людей. Воплощением человека, который посмел «наклониться и взять» власть, становится в глазах Раскольникова Наполеон Бонапарт.

В этом нет ничего удивительного: Наполеон был главным титаном XIX века, и не случайно в сумасшедших домах было много людей, воображавших себя Наполеонами. Французским императором восхищались романтики, в том числе и русские, невзирая на войну 1812 года. Наполеон и после смерти оставался в европейском сознании героем, поверженным титаном. В 1840–1860-е выходит многотомный труд историка и политика Адольфа Тьера «История Консульства и Империи», посвященный, по сути, не просто обелению, а возвеличению Наполеона – именно с этой трактовкой будет спорить Лев Толстой в «Войне и мире» (романе, который пишется в то же время и печатается в том же журнале, что «Преступление и наказание»). Достоевский подходит к критике Наполеона с другой стороны, чем Толстой. Исторический Наполеон остается только символом. Раскольников в конце концов сам упирается в вопрос романтики и романтизации, сравнивая свое преступление с наполеоновскими войнами: «А! не та форма, не так эстетически хорошая форма! Ну я решительно не понимаю: почему лупить в людей бомбами, правильною осадой, более почтенная форма?»

Достоевский умел сочетать в своих романах «вечные вопросы» со злободневностью. В 1860-е на слуху всего мира

было имя другого Наполеона – императора французов Наполеона III, который явно видел себя духовным наследником своего дяди. Общим кумиром двух императоров был еще один великий властитель – Юлий Цезарь, о котором Наполеон III написал книгу. В этой книге он высказал мысли, близкие к теории Раскольникова:

Когда необыкновенные дела свидетельствуют о величии гениального человека, то приписывать ему страсти и побуждения посредственности – значит идти наперекор здравому смыслу. Не признавать превосходства этих избранных существ, которые от времени до времени появляются в истории подобно блестящим метеорам, разгоняющим мрак своего века и озаряющим будущее, – значит впадать в самое крайнее заблуждение.

Книга Наполеона III в России горячо обсуждалась – как и другая книга, из которой могла вырасти теория Раскольникова: «Единственный и его собственность» Макса Штирнера^[21]. Немецкий философ объявлял высшей ценностью человека его собственное «я» – в угоду которому можно и нужно попирать любые моральные нормы. Книга Штирнера была хорошо известна в России и входила в условную «библиотечку нигилиста»; несмотря на то что о знакомстве Достоевского с ней нет достоверных сведений, многие исследователи считают это влияние доказанным^[22].

Раскольников и сам признается, что свою статью напи-

сал «по поводу одной книги», – но к формулированию теории его явно привели не одни только книжные размышления. В реальности его мучит раздвоение: с одной стороны, он ищет человеческого участия и хочет делать другим добро, с другой – одержим идеей собственной исключительности. И эта вера в исключительность приводит в конце концов не к великим делам, а к тому, что нищий молодой человек совершает отвратительное и вместе с тем жалкое преступление – уже сознавая, что делает это напрасно и Наполеон тут ни при чем: «Уж если я столько дней промучился: пошел ли бы Наполеон или нет? – так ведь уж ясно чувствовал, что я не Наполеон».

Ну а то, что Раскольников предварил реальное преступление описанием теории, тоже характерно. То же самое делают современные массовые убийцы: перед тем как расстрелять прихожан церкви или мечети, они выкладывают в интернете многостраничные пылкие манифесты.

Зачем в романе нужны Свидригайлов и Лужин? Правда ли, что они «двойники» Раскольникова?

Свидригайлов и Лужин – важнейшие герои «Преступления и наказания», помимо Раскольникова, Сони, Разумихина и Порфирия Петровича. В литературоведении не раз высказывалась идея, что эти герои – своего рода двойники Раскольникова. Мотив двойничества занимал Достоевского (достаточно вспомнить повесть «Двойник»); подобие персонажей в «Преступлении и наказании» позволяет ему развивать свой «роман об идее», высвечивая эту идею в разных обликах.

И Раскольников, и Свидригайлов, и Лужин – «теоретики». Воззрения Лужина напоминают «разумный эгоизм» Чернышевского, но Лужин излагает их до смешного приземленно – так же, как пытается поддаться к своему соседу Лебезятникову, гротескному «новому человеку»: «Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано. Возлюбишь одного себя, то и дела свои обделаешь как следует, и кафтан твой останется цел. Экономическая же правда прибавляет, что чем более в обществе устроенных частных дел и, так сказать, целых кафтанов, тем более для него твердых оснований и тем бо-

лее устраивается в нем и общее дело». Свидригайлов, в свою очередь, считает, что «единичное злодейство позволительно, если главная цель хороша»: такими словами он объясняет Дуне преступление ее брата, но в применении к нему самому эта «теория» – просто оправдание постоянного разврата.

Итак, между этими двумя героями и Раскольниковым устанавливаются зыбкие отношения, основанные на сходствах и различиях. Эти сходства и различия очевидны Раскольникову и мучат его. Услышав разглагольствования Лужина об экономической выгоде, а затем его мысли об убийстве старухи, кричит: «По вашей же вышло теории! <...> А доведите до последствий, что вы давеча проповедовали, и выйдет, что людей можно резать...» – хотя его самого к убийству тоже подтолкнула «теория», пусть менее рассудочная. Погрязший в разврате Свидригайлов, подобно Раскольникову, совершает этически противоположные поступки. Он то совратитель юных девочек и, возможно, убийца жены («Человек, продавший себя старухе и потом уходивший эту старуху», – писал критик Ашхарумов), то благодетель сирот, романский *deus ex machina*; его любовь к Дуне отличается от обычного для него сластолюбия. Как порой и у Раскольникова, «его речи – поток сознания... беспорядочный и хаотичный монолог»^[23]; его биография – карикатура на раскольниковскую идею необыкновенного человека, готового поступиться жизнью людей «обыкновенных».

Траектория Лужина приводит его к совершению отвра-

тительной подлости (из-за которой, косвенно, гибнет Катерина Ивановна), и этот финал закономерен – Лужин, в бахтинской терминологии, самый «монологический» герой романа: «Он, собственно, не личность, а классицистский персонаж, который исчерпывается одной чертой»^[24]. Траектория Свидригайлова приводит к чему-то вроде искупления: он спасает детей Катерины Ивановны, а потом, после попытки принудить к сожительству Дуню, убивает себя («уезжает в Америку» – эту часть света Достоевский всегда наделял каким-то загробным или эсхатологическим ореолом). Раскольников, таким образом, получает возможность видеть крайности, экстремальное развитие некоторых черт, свойственных ему самому. Он видит, как эти черты по-разному опошляются. В конце концов, преступник видит преступления своих двойников. Петр Вайль и Александр Генис приходят к выводу, противоречащему построениям Бахтина: «В принципе Раскольников – единственный герой книги. Все остальные – “овеществленные” проекции его души»^[25].

В самом деле, другие, второстепенные «двойники» Раскольникова, населяющие «Преступление и наказание», дублируют его поступки и отвращают его от возмездия или рокового решения. Маляр, подобравший коробку с серьгами там, где ее обронил Раскольников, становится подозреваемым в убийстве. Другой подозреваемый – не вовремя пришедший к старухе Пестряков, как и Раскольников, студент-юрист. Случайно увиденная девушка-утопленница

бросается с моста, когда Раскольников размышляет о самоубийстве. Даже Мармеладов, по замечанию Виктора Шкловского, наталкивает Раскольникова на мысли о собственных семье и участи: «история Мармеладова, принявшего жертву Сони, становится параллелью истории Раскольникова, потому что Раскольникову предлагается воспользоваться жертвой Дуни»^[26]. Наконец, рабочий Миколка, взявший на себя вину Раскольникова, чтобы «пострадать», оказывается – и здесь двойничество выглядит прямо-таки нарочито – «из раскольников», то есть старообрядцем. В конце концов, как и Миколка, Раскольников «страданье надумается принять» – то самое страданье, которое Порфирий называет великой вещью и о котором в первой редакции романа Лизавета говорила: «Не пострадаешь, так и не порадуешься».

Почему герои Достоевского постоянно что-то делают нарочно или назло?

Одна из самых известных статей о Достоевском – «Жестокий талант» Николая Михайловского, вышедшая вскоре после смерти писателя. «Преступление и наказание» затронуто в ней по касательной, но Михайловский считает общим принципом всей прозы Достоевского наслаждение страданием и унижением – патологическое, садомазохистское. Чемпион здесь – «Записки из подполья», но и в «Преступлении и наказании» хватает таких сцен, от признаний пьяного Мармеладова, которого таскает за волосы жена: «И это мне в наслаждение! И это мне не в боль, а в наслаждение, ми-ло-сти-вый го-су-дарь», – до самоуничтожения Разумихина, влюбленного в Дуню: «Ну и нарочно буду такой грязный, сальный, трактирный, и наплевать! Еще больше буду!...» Свидригайлов, представив себе ужасающий образ загробной вечности: «...будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность», – тут же добавляет, что «непременно нарочно» так бы все и устроил. Обратим внимание на это неумелое притязание на роль Бога, желание утвердить пусть самую нелепую и болезненную, но собственную волю.

Все это, однако, меркнет перед признаниями Раскольникова, который нарочно убивает старуху: «Я захотел осмелиться и убил». Больше того, акт убийства для него – попытка вырваться из круга «поступков, сделанных нарочно»: «Я захотел... убить без казуистики, убить для себя, для себя одного!» То есть окончательно определить для себя: «Тварь ли я дрожащая или право имею».

Поступки «назло» можно в одних случаях объяснить инфантилизмом, в других – выгодой, в третьих – «той особенною гордостью бедных», что заставляет Катерину Ивановну сначала устроить на последние деньги поминки по мужу, а потом затеять на этих поминках скандал. Проблема в том, что у Достоевского за одной причиной всегда следует другая, не менее правдоподобная: Раскольников, как и многие его герои, хочет рационально объяснить смутные, иррациональные устремления и только больше запутывается. Это тонко подмечает добрый садист Порфирий Петрович, «гипотетически» рисуя перед испуганным Раскольниковым его собственное поведение:

Да чего: сам вперед начнет забегать, соваться начнет, куда и не спрашивают, заговаривать начнет беспрерывно о том, о чем бы надо, напротив, молчать, различные аллегории начнет подпускать, хе-хе! Сам придет и спрашивать начнет: зачем-де меня долго не берут? хе-хе-хе! И это ведь с самым остроумнейшим человеком может случиться, с психологом и литератором-с! Зеркало натура,

зеркало-с, самое прозрачное-с! Смотри в него и любуйся, вот что-с! Да что это вы так побледнели, Родион Романович, не душно ли вам, не растворить ли окошечко?

Что означает сон об убийстве лошади?

Сон Раскольникова, в котором пьяный мужик Миколка с остервенелой жестокостью забивает насмерть свою лошадь, – один из важнейших эпизодов в романе, и все его детали многократно интерпретировались.

Раскольникову снится, что он ребенок; это соответствует мотиву инфантильности в его характере. Исследователь Достоевского Юрий Карякин пишет, что мальчик из сна пытается «спасти себя, взрослого, наяву»^[27], и действительно, проснувшись, Раскольников по-новому представляет себе преступление, которое собирается совершить: «Боже! – воскликнул он, – да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп... буду скользить в липкой, теплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью...» Под впечатлением от сна Раскольников на короткое время отказывается от своего замысла, пробует молиться – но затем теория побеждает, и преступление совершается. Сон остается предупреждением, которому Раскольников не внял. В своей книге «Самообман Раскольникова» Карякин вспоминает, как задал вопрос о значении сна своим ученикам. Один из них ответил: «Этот сон – крик человеческой природы против убийства»; Карякин поразился, что этот ответ совпал со слова-

ми самого Достоевского – в черновых заметках к сцене сна: «Али есть закон природы, которого не знаем мы и который кричит в нас»^[28].

Важная деталь – присутствие в сновидении отца Раскольникова, который не может и не хочет ничем помочь: «Пойдем, пойдем! – говорит отец, – пьяные, шалят, дураки: пойдем, не смотри!» Заочная конкуренция Раскольникова с отцом – предмет интереса психоаналитиков^[29]; вспомним, что отец Раскольникова был литератором-дилетантом, которому отказывали в публикации, – тогда как статью Раскольникова приняли и напечатали. Возможно, робкий характер отца – одна из причин, по которым Раскольников хотел стать «необыкновенным человеком», взять власть и с ее помощью творить справедливость.

Убийцу лошади зовут Миколка – так же, как маляра, который берет на себя преступление Раскольникова. Исследователи отмечают эту «рифму» как проявление диалектики русского народа, но по-разному расставляют акценты. Сергей Белов и Борис Тихомиров пишут о «двух ликах» народной души, воплощенных двумя Миколками^[30], Карен Степанян полагает, что злой Миколка – только порождение сна заплутавшего нигилиста, а в реальности торжествует другой Миколка, «добрый деревенский паренек... берущий на себя вину за убийство, совершенное Раскольниковым»^[31].

История, напоминающая сон Раскольникова, произошла в детстве Достоевского во время его первой поездки в Петер-

бург: он увидел фельдъегеря, который, сев на тройку курьерских лошадей, начал бить ямщика, а ямщик, в свою очередь, начал неистово хлестать лошадей. Это была наглядная иллюстрация к социальной цепи жестокости: «Я никогда не мог забыть фельдъегеря и многое позорное и жестокое в русском народе как-то поневоле и долго потом наклонен был объяснять уж, конечно, слишком односторонне», – вспоминал Достоевский в «Дневнике писателя».

У сна Раскольникова есть и два литературных источника. Во-первых, это стихотворение Некрасова «До сумерек»:

Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача.
Вот она зашаталась и стала.
Ну! – погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) –
И уж бил ее, бил ее, бил!
Ноги как-то расставив широко.
Вся дымясь, оседая назад.
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам,
И, вперед забежав, по лопаткам
И по плачущим кротким глазам!

Достоевскому особенно запомнилось это стихотворение: он цитирует его и в «Братьях Карамазовых». Второй источник – поэма Виктора Гюго «Melancholia», где также описывается истязание коня пьяным возницей. Вот этот отрывок (в переводе Елизаветы Полонской) – кое-где Достоевский совпадает с Гюго дословно:

Конь захрипел. <...> Палач удвоил пытку.
Конь делает еще последнюю попытку.
Рывок! Он падает, и вот под колесом
Уже лежит плашмя со сломанным хребтом.
Мутнеющий зрачок сквозь смертную дремоту
Взирает издали без смысла на кого-то,
И гаснет медленно его последний взгляд...

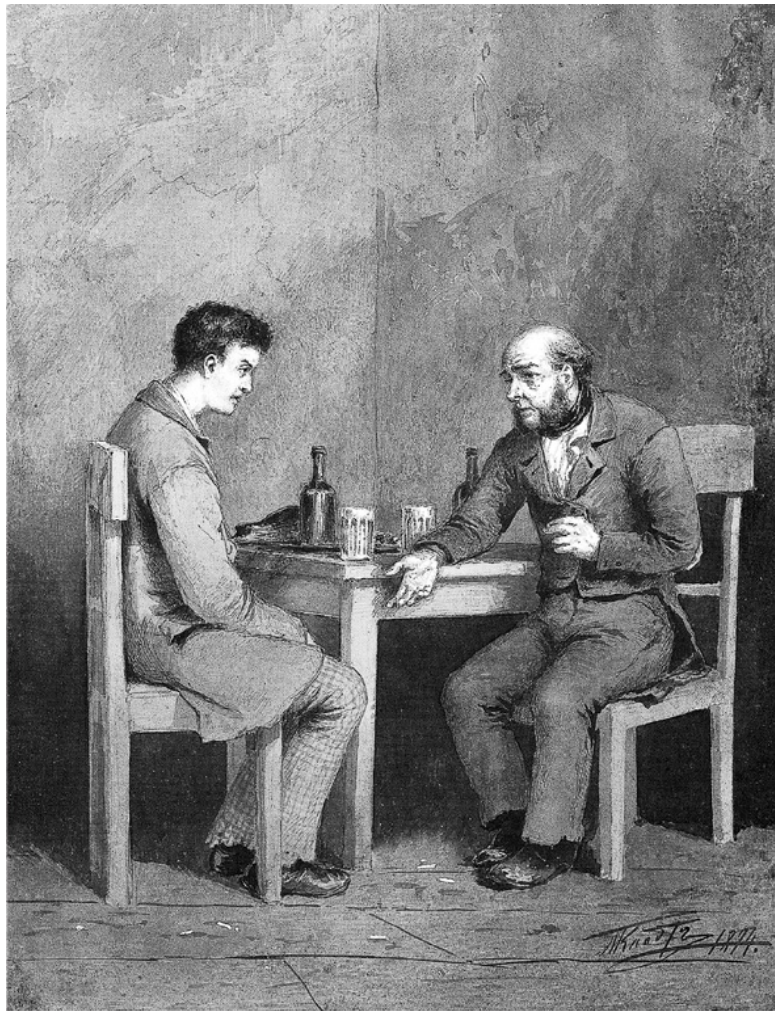
Какими маршрутами Раскольников ходит по Петербургу?

О «Преступлении и наказании» часто говорят как о топографически точном изображении Петербурга 1860-х. Эта точность подчеркнута в самом романе: Раскольников точно знает, что от его дома до дома процентщицы – семьсот тридцать шагов. Хотя Достоевский в большинстве случаев скрывает топонимы купюрами («С-й переулочек», «К-н мост»), опознать эти места не составляет труда. Существуют книги и исследования о Петербурге Достоевского^[32], а в наши дни по маршрутам «Преступления и наказания» водят экскурсии: точность Достоевского делает такую прогулку будоражащей.

Основные события в романе происходят в районе Сенной площади и Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова). Недалеко отсюда, в доме номер 7 по Казначейской улице, жил сам Достоевский. Его будущая жена Анна Григорьевна, придя сюда впервые, отметила, что этот дом похож на дом Раскольникова, как он изображен в романе. Но дом Раскольникова, по мнению большинства исследователей, находился по соседству – на углу Столярного переулка и Средней Мещанской улицы (ныне Гражданская); стоит заметить, что Достоевский в Петербурге селился только в угловых домах – и в угловых домах происходят многие события его произве-

дений.

Дом старухи-процентщицы – это, по основной версии, дом Ивана Вальха (первого владельца); его теперешний адрес – набережная канала Грибоедова, 104/25. Соня Мармеладова снимает комнату в старом, постройки XVIII века, доме бывшей Казенной палаты на противоположной стороне набережной; совсем рядом, на Большой Подъяческой, расположена полицейская контора, куда постоянно влечет Раскольников. Важная точка притяжения для многих героев романа – Сенная площадь, на которой располагался рынок, собирались нищие, проститутки, пьяные (вокруг было множество кабаков – тоже описанных в «Преступлении и наказании»), творились всяческие непотребства. Проходя через Сенную в последний раз, Раскольников по наущению Сони целует грязную землю; важный контекст здесь в том, что на Сенной до середины XIX века совершались телесные наказания (вспомним у Некрасова: «Вчерашний день, часу в шестом, / Зашел я на Сенную, / Там били женщину кнутом, / Крестьянку молодую»).

За пределами района Сенной остается в романе несколько точек: это, во-первых, место, где Раскольников прячет награбленное у старухи, – двор дома на Вознесенском проспекте; во-вторых, дешевая и небезопасная гостиница, в которой Лужин поселяет свою невесту Дуню и ее мать; в-третьих, пустынный Конногвардейский бульвар, где Раскольников не дает петербургскому франту «позабавиться» с пьяной девочкой; в-четвертых, Петровский остров, где Раскольников засыпает в кустах и видит сон о лошади. Кроме того, важная часть действия происходит на Петербургской (ныне Петроградской) стороне: здесь проводит свою последнюю ночь и кончает с собой Свидригайлов (перед этим еще заезжая к своей юной невесте на Васильевский остров).

И все же безукоризненную точность топографии в романе можно подвергнуть сомнению. В работе петербурговеда Альбина Конечного показано, что точные адреса старухи-процентщицы, Сони Мармеладовой, Расколькова на самом деле «неуловимы»: роман создает только «впечатление подлинности» топографии, и, если в точности следовать указаниям Достоевского, нередко возникает путаница^[33]. Из текста следует, что Раскольников, еще будучи студентом, ходил в университет через Николаевский мост.

¹⁶ Михаил Клодт. Раскольников и Мармеладов. 1874 год. Российская государственная библиотека.

«Этот маршрут невероятен для каждого человека, который знает Петербург», – пишет Виктор Шкловский^[34]. Он предполагает, что Достоевский изменил действительный маршрут – через Сенатскую площадь, место восстания декабристов и Медного всадника, – чтобы «лишить пейзаж политического значения».

Но можно и предположить, что эта неточность – одна из примет призрачности, ирреальности Петербурга, как его видит находящийся в полубреду Раскольников. Эта ирреальность парадоксальна, если учесть, с каким натурализмом Достоевский описывает петербургские жару, пыль, «вонь из лавочек и распивочных», но она встраивается в литературную традицию изображения Петербурга, в амбивалентный «петербургский текст». Такие же мелкие неточности в маршрутах впоследствии будут появляться в «Петербурге» Андрея Белого.

Как устроена внутренняя речь Раскольникова?

Убийство старухи-процентщицы Раскольников совершает не ради наживы, а чтобы ответить себе на вопрос: «Тварь ли я дрожащая или право имею?» Искомый ответ на этот вопрос становится, в свою очередь, только тезисом Раскольникова в споре с миром – споре, в котором Раскольников потерпит поражение.

Чтобы это было яснее, Достоевский прибегает к «объективному» письму. Если в черновой версии романа повествование ведется от первого лица, то есть от лица Раскольникова, то расширенный замысел окончательной версии потребовал перехода к третьему лицу и «всеведущему автору», способному заглянуть в мысли своих героев. В заметках Достоевского к роману так буквально и говорится: «Предположить нужно автора существом всеведущим и не погрешающим, выставляющим всем на вид одного из членов нового поколения». Такая авторская трактовка кажется прямо социальной, тенденциозной – но «Преступление и наказание» допускает самые разные истолкования, от реалистических до мистических^[35].

Несмотря на наличие всеведущего автора, Достоевский дает своим персонажам известную самостоятельность, позволяя им самим разыгрывать сценарий собственной жизни

и отстаивать собственные мировоззрения, явно не совпадающие с авторским. Герои «Преступления и наказания» наделены субъектностью, на равных ведут разговор друг с другом и с автором, более того, собственные их монологи устроены диалогически. По замечанию Михаила Бахтина, герой Достоевского все знает о себе сам заранее, как бы заранее просчитывает диалог со множеством оппонентов и отмечает их возражения^[36]. В качестве примера Бахтин приводит размышления Раскольникова в начале романа:

Раскольников только что получил подробное письмо матери с историей Дуни и Свидригайлова и с сообщением о сватовстве Лужина. А накануне Раскольников встретился с Мармеладовым и узнал от него всю историю Сони. И вот все эти будущие ведущие герои романа уже отразились в сознании Раскольникова, вошли в его сплошь диалогизованный внутренний монолог, вошли со своими «правдами», со своими позициями в жизни, и он вступил с ними в напряженный и принципиальный внутренний диалог, диалог последних вопросов и последних жизненных решений. Он уже с самого начала все знает, все учитывает и предвосхищает.

«Монологическое слово Раскольникова, – продолжает Бахтин, – поражает... живую личной обращенностью ко всему тому, о чем он думает и говорит. <...> Ко всем лицам, с которыми он полемизирует, он обращается на “ты” и почти каждому из них он возвращает его собственные слова с из-

менным тоном и акцентом. При этом каждое лицо, каждый новый человек сейчас же превращается для него в символ, а его имя становится нарицательным словом: Свидригайловы, Лужины, Сонечки и т. п.»^[37] Можно, таким образом, говорить о противостоянии главного героя всему миру.

Как Порфирий Петрович раскусил Раскольникова?

Раскольникова, который собирается совершить убийство, волнует вопрос: «Почему так легко отыскиваются и выдаются почти все преступления?» Он стремится не совершить ошибок, радуется, когда ему удастся уничтожить улики и спрятать добычу. Но ошибок он все же совершает множество. Как типичный неопытный убийца, он проявляет повышенный интерес к делу, выдает себя неожиданными восклицаниями («За дверьми? За дверями лежала? За дверями?»), возвращается на место преступления, падает в обморок во время разговора о деле в полиции – и, видимо, в этот момент привлекает к себе внимание следствия. Его друг Разумихин одним из первых замечает, что Раскольников слишком интересуется убийством старухи. То же подмечает приятель Разумихина Заметов, которому Раскольников, вконец потеряв самообладание, говорит: «А что, если это я старуху и Лизавету убил?» Заметов после этого полупризнания убеждается, что Раскольников ни в чем не виноват, – но успевает рассказать о разговоре следователю Порфирию Петровичу, который приходится дальним родственником Разумихину.

Дело для полиции облегчает то, что, обещаясь заплатить по векселю своей квартирной хозяйки, Раскольников дает

подписку о невыезде. Косвенных улики против него больше чем достаточно, а он вдобавок и сам набивается на полицейское внимание: «Бабочка сама на свечку летит», – говорит он себе, направляясь к Порфирию Петровичу, – чтобы высказать беспокойство о своем закладе, пропавшем у старухи. Порфирий, оказывается, давно ждал Раскольникова, о котором знал и раньше: он прочитал в «Периодической газете» статью с его теорией преступления.

Скорее всего, Порфирий с самого начала понимает, что Раскольников – убийца. В разговорах с ним он чередует притворное простодушие (говорит о посторонних вещах, разыгрывает сердечность) с вызовами на откровенность, готовит для Раскольникова ловушки – сначала простые, из которых тот легко выпутывается, затем более каверзные (сажает в соседнюю комнату мещанина – того самого, который убежден в виновности Раскольникова, но тут карты Порфирию спутывает неожиданное признание рабочего Миколки). «Цель Порфирия – заставлять внутренний голос Раскольникова прорываться и создавать перебои в его рассчитанно и искусно разыгранных репликах», – пишет Михаил Бахтин^[38].

Можно спорить о том, до какой степени Порфирий сам увлекается своей игрой, – он признает себя «поконченным человеком» (хотя ему всего тридцать пять лет), а о своем методе говорит даже с некоторым садизмом. Вот как он объясняет, почему такой преступник, как Раскольников, никуда

от него не убежит (при этом обвинения Раскольникову Порфирий еще не предъявляет):

Потому, голубчик, что весьма важная штука понять, в которую сторону развит человек. А нервы-то-с, нервы-то-с, вы их-то так и забыли-с! Ведь все это ныне болезненное, да худое, да раздраженное!.. А желчи-то, желчи в них во всех сколько! Да ведь это, я вам скажу, при случае своего рода рудник-с! И какое мне в том беспокойство, что он несвязанный ходит по городу! Да пусть, пусть его погуляет пока, пусть; я ведь и без того знаю, что он моя жертвочка и никуда не убежит от меня! Да и куда ему убежать, хе-хе! За границу, что ли? За границу поляк убежит, а не он, тем паче, что я слежу, да и меры принял. В глубину отечества убежит, что ли? Да ведь там мужики живут, настоящие, посконные, русские; этак ведь современно-то развитый человек скорее острог предпочтет, чем с такими иностранцами, как мужички наши, жить, хе-хе!

Но расчет Порфирия совершенно верен: Раскольников, сам напрашивающийся на разоблачение, не может не втянуться в эту игру. Уверенный в своей исключительности, он пытается выиграть у следователя – но только глубже увязает: во всем виновата «проклятая психология», которая «о двух концах». Несмотря на «проклятую психологию», Порфирий действует очень рационально именно как следователь. По-своему симпатизируя Раскольникову – как «поконченный человек» может симпатизировать юноше, совершивше-

му ошибку, но еще не погибшему, – он объясняет, почему выгодно прийти с повинной: и «сбавка» будет, и Порфирию меньше работы. Трудно поверить, что такой прагматичный аргумент может убедить Раскольникова, но в конце концов и он приходится к стати.

Что значит «жить по желтому билету»?

Желтым был цвет документа, который в Российской империи получали проститутки вместо паспорта, – официальное название этого документа было «заменительный билет». Его выдавали проституткам, работавшим в официально разрешенных публичных домах, а зарегистрированные проститутки, работавшие в индивидуальном порядке, «на улице», получали специальный бланк Врачебно-полицейского комитета. В разговорной речи он также именовался желтым билетом. Как раз такой документ был у Сони.

Проституция в России была легальна с 1843 по 1917 год – на эту меру российское правительство решилось, признав бесполезность борьбы с подпольными борделями, рассадниками венерических заболеваний. У этой реформы не было цели облегчить положение женщин, занимавшихся проституцией. «Желтый билет» обязывал свою владелицу регулярно проходить униженный административный и медицинский надзор. Если женщина желала оставить проституцию, это опять же требовало волокиты и было попросту опасно: став легальной проституткой, женщина чаще всего попадала в зависимость к хозяйке публичного дома, которая забирала себе весь ее заработок (хотя порой в борделях возникало что-то вроде неформальных профсоюзов). Проститут-

ки-одиначки, такие как Соня Мармеладова, шли на большие личные риски и зарабатывали мало. «Большинство женщин, промышлявших проституцией, предпочитали, конечно же, заниматься ею тайно», – пишут исследовавшие историю петербургской проституции Наталия Лебина и Михаил Шкаровский^[39].

Образ проститутки у Достоевского не впервые появляется в «Преступлении и наказании»: у Сони Мармеладовой есть явная предшественница – Лиза в «Записках из подполья», нравственно не менее чистая, чем Соня. Лебина и Шкаровский замечают, что в классической русской литературе проститутка всегда показана как жертва: первые их появления в стихах и прозе Некрасова совпадают с началом движения за отмену проституции. Образ Сони встраивается в эту логику.

И еще одна важная деталь. «Желтый билет» – часть скупой цветовой гаммы «Преступления и наказания»: желтый цвет – один из ее лейтмотивов, названный в романе 30 раз. По замечанию комментатора Бориса Тихомирова, это «не собственный цвет вещи, но знак ее порчи»^[40]. Желтый – цвет петербургских стен и обоев. «Уныло и грязно смотрели ярко-желтые деревянные домики с закрытыми ставнями» – одна из последних картин, которые видит перед самоубийством Свидригайлов. Желтоватый – оттенок кацавейки на плечах процентщицы. «Желтый билетик» в романе – это не только документ проститутки, но и рублевая банкно-

та. Это цвет Петербурга, из которого нужно бежать, хотя бы по той дороге, которую предлагают друг другу Соня и Раскольников. В эпилоге, в сибирском остроге, где они переживут духовное воскресение, желтый цвет не упоминается ни разу.

Почему раскольников просит Соню Мармеладову прочитать ему о воскресении Лазаря?

Почему Достоевский выбирает именно этот отрывок из Писания, ясно в контексте всего романа: к истории воскрешения Лазаря, одного из главных чудес, совершенных Христом, отсылает «воскресение» Раскольникова в эпилоге. Но почему этот отрывок просит прочитать Раскольников?

В романе есть одна подсказка. Отправляясь к следователю Порфирию Петровичу, Раскольников собирается дурачить его: «Этому тоже надо Лазаря петь!» А сразу после обсуждения статьи Раскольникова с «наполеоновской» теорией Порфирий начинает расспрашивать его о вере^[41]:

– Так вы все-таки верите же в Новый Иерусалим?

– Верую, – твердо отвечал Раскольников; говоря это и в продолжение всей длинной тирады своей, он смотрел в землю, выбрав себе точку на ковре.

– И-и-и в Бога веруете? Извините, что так любопытствую.

– Верую, – повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия.

– И-и в воскресение Лазаря веруете?

– Ве-верую. Зачем вам все это?

– Буквально веруете?

– Буквально.

– Вот как-с... так полюбобытствовал. Извините-с.

Мы помним, что Порфирий Петрович, притворяющийся простаком, на самом деле не говорит ни слова в простоте. Возможно, он выбирает в пример воскресение Лазаря именно потому, что, уже зная, что Раскольников – убийца, верит в возможность его духовного спасения (о чем сам скажет ему позднее). Раскольникову этот пример западает в голову – и, увидев на столе у Сони Евангелие, он просит прочитать именно о Лазаре. Выбор оказывается судьбоносным. Раскольников, с одной стороны, понимает, что вызывает Соню на предельную откровенность: «Он слишком хорошо понимал, как тяжело было ей теперь выдавать и обличать все свое. Он понял, что чувства эти действительно как бы составляли настоящую и уже давнишнюю, может быть, тайну ее». С другой – его потрясает, с каким истовым чувством Соня читает ему Евангелие от Иоанна; он знает, что в Петербурге Соня погибнет, и предлагает ей «идти вместе»: «Мы вместе прокляты, вместе и пойдем». Соня, читая, представляет себе, что и Раскольников сейчас по-настоящему уверует – так же, как свидетели «величайшего и неслыханного чуда». В конце концов так все и случится – но не сразу.

Ретроспективно в «Преступлении и наказании» можно обнаружить тонкие аллюзии к этому евангельскому отрывку. Гроб Лазаря находится в пещере, заваленной камнем. Филолог Моисей Альтман замечает: «Приобретает особый смысл

и то, что комната Раскольникова уподобляется гробу неоднократно, и то, что именно под камнем схоронил он награбленное у убитой им старухи»^[42].

Евангельские мотивы в «Преступлении и наказании» не возникли бы – или проявлялись бы гораздо слабее, – если бы Достоевский не ввел в роман линию Мармеладовых. О Христе разговаривает при первой встрече с Раскольниковым Семен Мармеладов. Вот как видится ему Страшный суд:

И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смирных... И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: «Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!» И мы выйдем все, не стыдясь, и станем.

Это «выходите» – тоже параллель к евангельским словам: «Сказав сие, воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами». Мармеладов – пьяница, его дочь – блудница, но им будет дано по их вере.

Между прочим, эпизод с чтением Евангелия в первом варианте, отправленном Достоевским в «Русский вестник», был раза в три больше. Судя по всему, Соня не просто читала Евангелие убийце Раскольникову, но и по-своему трактовала его; возможно также, что следом за этой сценой давался первый намек на любовное сближение героев. Все это показалось публикатору Каткову чересчур скандальным –

и он потребовал от Достоевского внести правки. В результате, по мнению литературоведа Валерия Кирпотина^[43], текст был испорчен:

Как это ни парадоксально звучит по отношению к непререкаемому авторитету гения Достоевского и по сравнению с общепринятым мнением, в главе в самом деле чувствуются пропуски и швы. Глава является кульминацией всего романа. <...> Однако кульминационность главы сглажена, отчасти даже стерта. Мы слышим спор, мы видим борьбу Сони и Раскольникова, но нам не хватает звеньев, которые объяснили бы необратимость перелома, объяснили бы и то, почему столь расходящиеся между собой персонажи не теряют уверенности в возможность единства своего жизненного пути и своих высших жизненных целей.

Едва ли с этим можно согласиться. Несмотря на цензурное вмешательство, Достоевский переработал главу сам – и был доволен результатом. Возможно, Кирпотин привык, что душевидец Достоевский все объясняет до последней черточки, – но в кульминационной сцене романа как нигде оказывается уместна недосказанность, мерцание, подобное свету того свечного огарка, при котором, к неудовольствию Набокова, убийца и блудница «странным образом сошлись за чтением вечной книги».

В каком остроге сидел раскольник и почему за ним поехала соня?

Острог, где сидит Раскольник в эпилоге «Преступления и наказания», списан с Омского острога, стоявшего на Иртыше. Здесь Достоевский четыре года провел на каторге; гораздо подробнее это место описано в «Записках из Мертвого дома». Переживания Раскольникова в первый год каторги также автобиографичны – от работ, которые он выполнял, до конфликтов с другими заключенными. Большинство биографов Достоевского связывают с каторгой перемену в его взглядах – поворот не только к религии и той идеологии, что позже назовут почвенничеством, но и к новому типу письма, далеко уходящему от принципов натуральной школы.

После каторги Достоевский отправился в ссылку в Семипалатинск, где познакомился с будущей первой женой – Марией Дмитриевной Исаевой. Она была замужем за чиновником Александром Исаевым – опустившимся пьяницей; после смерти Исаева Достоевский сделал Марии Дмитриевне предложение. Черты Александра Исаева сообщены Семену Мармеладову, а некоторые черты Марии Дмитриевны, женщины гордой, жертвенной, великодушной – и в то же время «страстной, экзальтированной»^[44], – Катерине Ивановне Мармеладовой. Но кое-что от первой жены Достоевского можно увидеть и в образе Сони Мармеладовой. В первую

очередь это вполне шекспировское (и, конечно, христианское) умение полюбить кого-то за страдания – именно так, по воспоминаниям знакомых, полюбила Мария Дмитриевна бывшего каторжника Достоевского.

Соня, самый чистый сердцем, самый религиозный человек в романе, ощущает себя «великой, великой грешницей» и не ищет себе оправданий. Дело не только в ее положении проститутки: грешником вообще должен чувствовать себя всякий христианин. Принять страдание, отправившись за Раскольниковым в Сибирь, для Сони означает парадоксальный путь к новой жизни. Участвуя в спасении Раскольникова, Соня не приносит себя в жертву ему, но спасается вместе с ним, причем не только в «небесном» смысле, но и в «земном». Как жестоко, но справедливо объяснил Соне Раскольников, в Петербурге она в конце концов просто погибла бы. Далекий сибирский город по сравнению с петербургским дном оказывается переменной участи к лучшему, хотя ясно, что эти соображения всегда готовой к самоотречению Соне и в голову не приходят.

Достоевед Кэнноскэ Накамура увязывает решение Сони последовать за Раскольниковым с гибелью Лизаветы. Лизавета с Соней были «сестрами во Христе» – Лизавета подарила Соне свой медный крестик, который Соня надевает вместо своего кипарисового (его она отдает Раскольникову); Накамура напоминает, что схожая сцена обмена крестами есть в «Идиоте». У Сони точно такое же, как у Лизаветы, дет-

ское выражение лица, когда она пугается. На каторгу Раскольников берет с собой Евангелие – то самое, которое Лизавета когда-то подарила Соне. Судьбы Лизаветы и Сони, таким образом, связаны: Соня отправляется с Раскольниковым, чтобы помочь ему искупить свой грех (в первой редакции романа Соня уверенно говорила, что Лизавета простит своего убийцу)^[45]. Духовное обновление, которое происходит с Раскольниковым в финале, обещает им обоим счастливую жизнь в будущем, которое не кажется таким уж далеким, хотя до окончания каторги остается семь лет:

Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого. Они положили ждать и терпеть. Им оставалось еще семь лет; а до тех пор столько нестерпимой муки и столько бесконечного счастья! Но он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, а она – она ведь и жила только одною его жизнью!

Преступление и наказание

**Преступление
и наказание**

Часть первая

I

В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую занимал от жильцов в С – м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К – ну мосту.

Он благополучно избегнул встречи с своею хозяйкой на лестнице. Каморка его приходилась под самую кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру. Квартирная же хозяйка его, у которой он занимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, в отдельной квартире, и каждый раз, при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лестницу. И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился. Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться.

Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся да-

же всякой встречи, не только встречи с хозяйкой. Он был за-
давлен бедностью; но даже стесненное положение перестало
в последнее время тяготить его. Насущными делами своими
он совсем перестал и не хотел заниматься. Никакой хозяй-
ки, в сущности, он не боялся, что бы та ни замышляла про-
тив него. Но останавливаться на лестнице, слушать всякий
вздор про всю эту обыденную дребедень, до которой ему нет
никакого дела, все эти приставания о платеже, угрозы, жало-
бы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать, —
нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь кошкой по лестни-
це и улизнуть, чтобы никто не видал.

Впрочем, на этот раз страх встречи с своею кредиторшей
даже его самого поразил по выходе на улицу.

«На какое дело хочу покуситься и в то же время каких
пустяков боюсь! — подумал он с странною улыбкой. — Гм...
да... всё в руках человека, и всё-то он мимо носу проносит,
единственно от одной трусости... это уж аксиома... Любо-
пытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, ново-
го собственного слова они всего больше боятся... А впро-
чем, я слишком много болтаю. Оттого и ничего не делаю, что
болтаю. Пожалуй, впрочем, и так: оттого болтаю, что ничего
не делаю. Это я в этот последний месяц выучился болтать,
лежа по целым суткам в углу и думая... о царе Горохе. Ну
зачем я теперь иду? Разве я способен на *это*? Разве *это* се-
рьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя те-
шу; игрушки! Да, пожалуй что и игрушки!»

На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, — все это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши. Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колорит картины. Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах молодого человека. Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен. Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытие, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать. Изредка только бормотал он что-то про себя, от своей привычки к монологам, в которой он сейчас сам себе признался. В эту же минуту он и сам сознавал, что мысли его порою мешаются и что он очень слаб: второй день как уж он почти совсем ничего не ел.

Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу. Впрочем, квартал был таков, что костюмом здесь было трудно кого-нибудь удивить. Близость Сенной, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное в этих срединных петербург-

ских улицах и переулках, пестрили иногда общую панораму такими субъектами, что странно было бы и удивляться при встрече с иною фигурой. Но столько злобного презрения уже накопилось в душе молодого человека, что, несмотря на всю свою, иногда очень молодую, щекотливость, он менее всего совестился своих лохмотьев на улице. Другое дело при встрече с иными знакомыми или с прежними товарищами, с которыми вообще он не любил встречаться... А между тем, когда один пьяный, которого неизвестно почему и куда провозили в это время по улице в огромной телеге, запряженной огромною ломовою лошадью, крикнул ему вдруг, проезжая: «Эй ты, немецкий шляпник!» – и заорал во все горло, указывая на него рукой, – молодой человек вдруг остановился и судорожно схватился за свою шляпу. Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону. Но не стыд, а совсем другое чувство, похожее даже на испуг, охватило его.

– Я так и знал! – бормотал он в смущении, – я так и думал! Это уж всего сквернее! Вот эдакая какая-нибудь глупость, какая-нибудь пошлейшая мелочь, весь замысел может испортить! Да, слишком приметная шляпа... Смешная, потому и приметная... К моим лохмотьям непременно нужна фуражка, хотя бы старый блин какой-нибудь, а не этот урод. Никто таких не носит, за версту заметят, запомнят... глав-

ное, потом запомнят, ан и улика. Тут нужно быть как можно неприметнее... Мелочи, мелочи главное!.. Вот эти-то мелочи и губят всегда и всё...

Идти ему было немного; он даже знал, сколько шагов от ворот его дома: ровно семьсот тридцать. Как-то раз он их сосчитал, когда уж очень размечтался. В то время он и сам еще не верил этим мечтам своим и только раздражал себя их безобразною, но соблазнительною дерзостью. Теперь же, месяц спустя, он уже начинал смотреть иначе и, несмотря на все поддразнивающие монологи о собственном бессилии и нерешимости, «безобразную» мечту как-то даже поневоле привык считать уже предприятием, хотя все еще сам себе не верил. Он даже шел теперь делать *пробу* своему предприятию, и с каждым шагом волнение его возрастало все сильнее и сильнее.

С замиранием сердца и нервной дрожью подошел он к преогромнейшему дому, выходявшему одною стеной на канаву, а другою в – ю улицу. Этот дом стоял весь в мелких квартирах и заселен был всякими промышленниками – портными, слесарями, кухарками, разными немцами, девицами, живущими от себя, мелким чиновничеством и проч. Входящие и выходящие так и шмыгали под обоими воротами и на обоих дворах дома. Тут служили три или четыре дворника. Молодой человек был очень доволен, не встретив ни которого из них, и неприметно проскользнул сейчас же из ворот направо на лестницу. Лестница была темная и уз-

кая, «черная», но он все уже это знал и изучил, и ему вся эта обстановка нравилась: в такой темноте даже и любопытный взгляд был неопасен. «Если о сю пору я так боюсь, что же было бы, если б и действительно как-нибудь случилось до самого *дела* дойти?..» – подумал он невольно, проходя в четвертый этаж. Здесь загородили ему дорогу отставные солдаты-носивы, выносившие из одной квартиры мебель. Он уже прежде знал, что в этой квартире жил один семейный немец, чиновник: «Стало быть, этот немец теперь выезжает, и, стало быть, в четвертом этаже, по этой лестнице и на этой площадке, остается, на некоторое время, только одна старухина квартира занятая. Это хорошо... на всякой случай...» – подумал он опять и позвонил в старухину квартиру. Звонок брякнул слабо, как будто был сделан из жести, а не из меди. В подобных мелких квартирах таких домов почти всё такие звонки. Он уже забыл звон этого колокольчика, и теперь этот особенный звон как будто вдруг ему что-то напомнил и ясно представил... Он так и вздрогнул, слишком уж ослабели нервы на этот раз. Немного спустя дверь приотворилась на крошечную щелочку: жилища оглядывала из щели пришедшего с видимым недоверием, и только виднелись ее сверкавшие из темноты глазки. Но увидав на площадке много народу, она ободрилась и отворила совсем. Молодой человек переступил через порог в темную прихожую, разгороженную перегородкой, за которою была крошечная кухня. Старуха стояла перед ним молча и вопросительно на него глядела. Это

была крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая. Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом. На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было навячено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтевшая меховая кацавейка. Старушонка поминутно кашляла и кряхтела. Должно быть, молодой человек взглянул на нее каким-нибудь особенным взглядом, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость.

– Раскольников, студент, был у вас назад тому месяц, – поспешил пробормотать молодой человек с полупоклоном, вспомнив, что надо быть любезнее.

– Помню, батюшка, очень хорошо помню, что вы были, – отчетливо проговорила старушка, по-прежнему не отводя своих вопрошающих глаз от его лица.

– Так вот-с... и опять, по такому же дельцу... – продолжал Раскольников, немного смутившись и удивляясь недоверчивости старухи.

«Может, впрочем, она и всегда такая, да я в тот раз не заметил», – подумал он с неприятным чувством.

Старуха помолчала, как бы в раздумье, потом отступила в сторону и, указывая на дверь в комнату, произнесла, пропуская гостя вперед:

– Пройдите, батюшка.

Небольшая комната, в которую прошел молодой человек, с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах, была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем. «И *тогда*, стало быть, так же будет солнце светить!..» — как бы невзначай мелькнуло в уме Раскольников, и быстрым взглядом окинул он все в комнате, чтобы по возможности изучить и запомнить расположение. Но в комнате не было ничего особенного. Мебель, вся очень старая и из желтого дерева, состояла из дивана с огромною выгнутою деревянною спинкой, круглого стола овальной формы перед диваном, туалета с зеркальцем в простенке, стульев по стенам да двух-трех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших немецких барышень с птицами в руках, — вот и вся мебель. В углу перед небольшим образом горела лампада. Все было очень чисто: и мебель, и полы были оттерты под лоск; все блестело. «Лизаветина работа», — подумал молодой человек. Ни пылинки нельзя было найти во всей квартире. «Это у злых и старых вдовиц бывает такая чистота», — продолжал про себя Раскольников и с любопытством покосился на ситцевую занавеску перед дверью во вторую, крошечную комнату, где стояли старухины постель и комод и куда он еще ни разу не заглядывал. Вся квартира состояла из этих двух комнат.

— Что угодно? — строго произнесла старушонка, войдя в комнату и по-прежнему становясь прямо перед ним, чтобы глядеть ему прямо в лицо.

– Заклад принес, вот-с! – И он вынул из кармана старые плоские серебряные часы. На оборотной дощечке их был изображен глобус. Цепочка была стальная.

– Да ведь и прежнему закладу срок. Еще третьего дня месяц как минул.

– Я вам проценты еще за месяц внесу; потерпите.

– А в том моя добрая воля, батюшка, терпеть или вещь вашу теперь же продать.

– Много ль за часы-то, Алена Ивановна?

– А с пустяками ходишь, батюшка, ничего, почитай, не стоит. За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно.

– Рубля-то четыре дайте, я выкуплю, отцовские. Я скоро деньги получу.

– Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с.

– Полтора рубля! – вскрикнул молодой человек.

– Ваша воля. – И старуха протянула ему обратно часы. Молодой человек взял их и до того рассердился, что хотел было уже уйти; но тотчас одумался, вспомнив, что идти больше некуда и что он еще и за другим пришел.

– Давайте! – сказал он грубо.

Старуха полезла в карман за ключами и пошла в другую комнату за занавески. Молодой человек, оставшись один среди комнаты, любопытно прислушивался и соображал. Слышно было, как она отперла комод. «Должно быть, верх-

ний ящик, – соображал он. – Ключи она, стало быть, в правом кармане носит... Все на одной связке, в стальном кольце... И там один ключ есть всех больше, втрое, с зубчатой бородкой, конечно, не от комода... Стало быть, есть еще какая-нибудь шкатулка, али укладка... Вот это любопытно. У укладок всё такие ключи... А впрочем, как это подло всё...»

Старуха воротилась.

– Вот-с, батюшка: коли по гривне в месяц с рубля, так за полтора рубля причтется с вас пятнадцать копеек, за месяц вперед-с. Да за два прежних рубля с вас еще причтается по сему же счету вперед двадцать копеек. А всего, стало быть, тридцать пять. Приходится же вам теперь всего получить за часы ваши рубль пятнадцать копеек. Вот получите-с.

– Как! так уж теперь рубль пятнадцать копеек!

– Точно так-с.

Молодой человек спорить не стал и взял деньги. Он смотрел на старуху и не спешил уходить, точно ему еще хотелось что-то сказать или сделать, но как будто он и сам не знал, что именно...

– Я вам, Алена Ивановна, может быть, на днях, еще одну вещь принесу... серебряную... хорошую... папиросочницу одну... вот как от приятеля ворочу... – Он смутился и замолчал.

– Ну тогда и будем говорить, батюшка.

– Прощайте-с... А вы всё дома одни сидите, сестрицы-то

нет? – спросил он как можно развязнее, выходя в переднюю.

– А вам какое до нее, батюшка, дело?

– Да ничего особенного. Я так спросил. Уж вы сейчас...

Прощайте, Алена Ивановна!

Раскольников вышел в решительном смущении. Смущение это все более и более увеличивалось. Сходя по лестнице, он несколько раз даже останавливался, как будто чем-то внезапно пораженный. И наконец, уже на улице, он воскликнул:

«О Боже! как это все отвратительно! И неужели, неужели я... нет, это вздор, это нелепость! – прибавил он решительно. – И неужели такой ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!.. И я, целый месяц...»

Но он не мог выразить ни словами, ни восклицаниями своего волнения. Чувство бесконечного отвращения, начавшее давить и мутить его сердце еще в то время, как он только шел к старухе, достигло теперь такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал, куда деться от тоски своей. Он шел по тротуару как пьяный, не замечая прохожих и сталкиваясь с ними, и опомнился уже в следующей улице. Оглядевшись, он заметил, что стоит подле распивочной, в которую вход был с тротуара по лестнице вниз, в подвальный этаж. Из дверей, как раз в эту минуту, выходили двое пьяных и, друг друга поддерживая и ругая, взбирались на улицу. Долго не думая, Раскольников тотчас же спустился вниз. Никогда до сих пор не входил он в распивочные, но теперь

голова его кружилась, и к тому же палящая жажда томила его. Ему захотелось выпить холодного пива, тем более что внезапную слабость свою он относил и к тому, что был голоден. Он уселся в темном и грязном углу, за липким столиком, спросил пива и с жадностью выпил первый стакан. Тотчас же все отлегло, и мысли его прояснели. «Все это вздор, – сказал он с надеждой, – и нечем тут было смущаться! Просто физическое расстройство! Один какой-нибудь стакан пива, кусок сухаря, – и вот, в один миг, крепнет ум, яснее мысль, твердеют намерения! Тьфу, какое все это ничтожество!..» Но, несмотря на этот презрительный плевок, он глядел уже весело, как будто внезапно освобождаясь от какого-то ужасного бремени, и дружелюбно окинул глазами присутствующих. Но даже и в эту минуту он отдаленно предчувствовал, что вся эта восприимчивость к лучшему была тоже болезненная.

В распивочной на ту пору оставалось мало народу. Кроме тех двух пьяных, что попались на лестнице, вслед за ними же вышла еще разом целая ватага, человек в пять, с одною девкой и с гармонией. После них стало тихо и просторно. Остались: один хмельной, но немного, сидевший за пивом, с виду мещанин; товарищ его, толстый, огромный, в сибирке и с седою бородой, очень захмелевший, задремавший на лавке и изредка, вдруг, как бы спросонья, начинавший прищелкивать пальцами, расставив руки врозь, и подпрыгивать верхнею частию корпуса, не вставая с лавки, причем подпевал какую-то ерунду, силясь припомнить стихи, вроде:

Целый год жену ласкал,
Цел-лый год же-ну лас-кал...

Или вдруг, проснувшись, опять:

По Подьяческой пошел,
Свою прежнюю нашел...

Но никто не разделял его счастья; молчаливый товарищ его смотрел на все эти взрывы даже враждебно и с недоверчивостью. Был тут и еще один человек, с виду похожий как бы на отставного чиновника. Он сидел особо, перед своею посудинкой, изредка отпивая и посматривая кругом. Он был тоже как будто в некотором волнении.

II

Раскольников не привык к толпе и, как уже сказано, бежал всякого общества, особенно в последнее время. Но теперь его вдруг что-то потянуло к людям. Что-то совершалось в нем как бы новое, и вместе с тем ощутилась какая-то жажда людей. Он так устал от целого месяца этой сосредоточенной тоски своей и мрачного возбуждения, что хотя одну минуту хотелось ему вздохнуть в другом мире, хоть бы в каком бы то ни было, и, несмотря на всю грязь обстановки, он с удовольствием оставался теперь в распивочной.

Хозяин заведения был в другой комнате, но часто входил в главную, спускаясь в нее откуда-то по ступенькам, причем прежде всего выказывались его щегольские смазные сапоги с большими красными отворотами. Он был в поддевке и в страшно засаленном черном атласном жилете, без галстука, а все лицо его было как будто смазано маслом, точно железный замок. За застойкой находился мальчишка лет четырнадцати, и был другой мальчишка моложе, который подавал, если что спрашивали. Стояли крошеные огурцы, черные сухари и резанная кусочками рыба; все это очень дурно пахло. Было душно, так что было даже нестерпимо сидеть, и все до того было пропитано винным запахом, что, кажется, от одного этого воздуха можно было в пять минут сделаться пьяным.

Бывают иные встречи, совершенно даже с незнакомыми нам людьми, которыми мы начинаем интересоваться с первого взгляда, как-то вдруг, внезапно, прежде чем скажем слово. Такое точно впечатление произвел на Раскольников тот гость, который сидел поодаль и походил на отставного чиновника. Молодой человек несколько раз припоминал потом это первое впечатление и даже приписывал его предчувствию. Он беспрерывно взглядывал на чиновника, конечно, и потому еще, что и сам тот упорно смотрел на него, и видно было, что тому очень хотелось начать разговор. На остальных же, бывших в распивочной, не исключая и хозяина, чиновник смотрел как-то привычно и даже со скукой, а вместе

с тем и с оттенком некоторого высокомерного пренебрежения, как бы на людей низшего положения и развития, с которыми нечего ему говорить. Это был человек лет уже за пятьдесят, среднего роста и плотного сложения, с проседью и с большою лысиной, с отекившим от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые глазки. Но что-то было в нем очень странное; во взгляде его светилась как будто даже восторженность, — пожалуй, был и смысл и ум, — но в то же время мелькало как будто и безумие. Одет он был в старый, совершенно оборванный черный фрак, с осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-как, и на нее-то он и застегивался, видимо желая не удаляться приличий. Из-под нанкового жилета торчала манишка, вся скомканная, запачканная и залитая. Лицо было выбрито, по-чиновничьи, но давно уже, так что уже густо начала выступать сизая щетина. Да и в ухватках его действительно было что-то солидно-чиновничье. Но он был в беспокойстве, ерошил волосы и подпирал иногда, в тоске, обеими руками голову, положив продранные локти на залитый и липкий стол. Наконец он прямо посмотрел на Раскольникову и громко и твердо проговорил:

— А осмелюсь ли, милостивый государь мой, обратиться к вам с разговором приличным? Ибо хотя вы и не в значительном виде, но опытность моя отличает в вас человека образованного и к напитку непривычного. Сам всегда ува-

жал образованность, соединенную с сердечными чувствами, и, кроме того, состою титулярным советником. Мармеладов – такая фамилия; титулярный советник. Осмелюсь узнать, служить изволили?

– Нет, учусь... – отвечал молодой человек, отчасти удивленный и особенным витиеватым тоном речи, и тем, что так прямо, в упор, обратились к нему. Несмотря на недавнее мгновенное желание хотя какого бы ни было сообщества с людьми, он при первом, действительно обращенном к нему слове вдруг ощутил свое обычное неприятное и раздражительное чувство отвращения ко всякому чужому лицу, касавшемуся или хотевшему только прикоснуться к его личности.

– Студент, стало быть, или бывший студент! – вскричал чиновник, – так я и думал! Опыт, милостивый государь, неоднократный опыт! – и в знак похвалы он приложил палец ко лбу. – Были студентом или происходили ученую часть! А позвольте... – Он привстал, покачнулся, захватил свою посудинку, стаканчик, и подсел к молодому человеку, несколько от него наискось. Он был хмелен, но говорил речисто и бойко, изредка только местами сбиваясь немного и затягивая речь. С какою-то даже жадностью накинута он на Раскольникову, точно целый месяц тоже ни с кем не говорил.

– Милостивый государь, – начал он почти с торжественностью, – бедность не порок, это истина. Знаю я, что и пьян-

ство не добродетель, и это тем паче. Но нищета, милостивый государь, нищета – порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было; и справедливо, ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя. И отсюда питейное! Милостивый государь, месяц назад тому супругу мою избил господин Лебезятников, а супруга моя не то что я! Понимаете-с? Позвольте еще вас спросить, так, хотя бы в виде простого любопытства: изволили вы ночевать на Неве, на сенных барках?

– Нет, не случилось, – отвечал Раскольников. – Это что такое?

– Ну-с, а я оттуда, и уже пятую ночь-с...

Он налил стаканчик, выпил и задумался. Действительно, на его платье и даже в волосах кое-где виднелись прилипшие былинки сена. Очень вероятно было, что он пять дней не раздевался и не умывался. Особенно руки были грязны, жирные, красные, с черными ногтями.

Его разговор, казалось, возбудил общее, хотя и ленивое внимание. Мальчишки за стойкой стали хихикать. Хозяин, кажется, нарочно сошел из верхней комнаты, чтобы послушать «забавника», и сел поодаль, лениво, но важно позевывая. Очевидно, Мармеладов был здесь давно известен. Да и склонность к витиеватой речи приобрел, вероятно, вследствие привычки к частым кабачным разговорам с различны-

ми незнакомцами. Эта привычка обращается у иных пьющих в потребность, и преимущественно у тех из них, с которыми дома обходятся строго и которыми помыкают. Оттого-то в пьющей компании они и стараются всегда как будто выхлопотать себе оправдание, а если можно, то даже и уважение.

– Забавник! – громко проговорил хозяин. – А для ча не работаешь, для ча не служите, коли чиновник?

– Для чего я не служу, милостивый государь, – подхватил Мармеладов, исключительно обращаясь к Раскольникову, как будто это он ему задал вопрос, – для чего не служу? А разве сердце у меня не болит о том, что я пресмыкаюсь втуне? Когда господин Лебезятников, тому месяц назад, супругу мою собственноручно избил, а я лежал пьяненькой, разве я не страдал? Позвольте, молодой человек, случилось вам... гм... ну хоть испрашивать денег займы безнадежно?

– Случалось... то есть как безнадежно?

– То есть безнадежно вполне-с, заранее зная, что из сего ничего не выйдет. Вот вы знаете, например, заранее и досконально, что сей человек, сей благонамереннейший и наиболее полезнейший гражданин, ни за что вам денег не даст, ибо за чем, спрошу я, он даст? Ведь он знает же, что я не отдам. Из сострадания? Но господин Лебезятников, следящий за новыми мыслями, объяснял намеренно, что сострадание в наше время даже наукой воспрещено и что так уже делается в Англии, где политическая экономия. Зачем же, спрошу я, он даст? И вот, зная вперед, что не даст, вы все-таки

отправляетесь в путь и...

— Для чего же ходить? — прибавил Раскольников.

— А коли не к кому, коли идти больше некуда! Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти! Когда единородная дочь моя в первый раз по желтому билету пошла, и я тоже тогда пошел... (ибо дочь моя по желтому билету живет-с...) — прибавил он в скобках, с некоторым беспокойством смотря на молодого человека. — Ничего, милостивый государь, ничего! — поспешил он тотчас же, и по-видимому спокойно, заявить, когда фыркнули оба мальчишки за стойкой и улыбнулся сам хозяин. — Ничего-с! Сим покиванием глав не смущаюсь, ибо уже всем все известно и все тайное становится явным; и не с презрением, а со смирением к сему отношусь. Пусть! пусть! «Се человек!» Позвольте, молодой человек: можете ли вы... Но нет, изъяснить сильнее и изобразительнее: не *можете* ли вы, а *осмелитесь* ли вы, взирая в сей час на меня, сказать утвердительно, что я не свинья?

Молодой человек не отвечал ни слова.

— Ну-с, — продолжал оратор, солидно и даже с усиленным на этот раз достоинством переждав опять последовавшее в комнате хихикание. — Ну-с, я пусть свинья, а она дама! Я звериный образ имею, а Катерина Ивановна, супруга моя, — особа образованная и урожденная штаб-офицерская дочь. Пусть, пусть я подлец, она же и сердца высокого,

и чувств, облагороженных воспитанием, исполнена. А между тем... о, если б она пожалела меня! Милостивый государь, милостивый государь, ведь надобно же, чтоб у всякого человека было хоть одно такое место, где бы и его пожалели! А Катерина Ивановна дама хотя и великодушная, но несправедливая... И хотя я и сам понимаю, что когда она и вихры мои дерет, то дерет их не иначе как от жалости сердца (ибо, повторяю без смущения, она дерет мне вихры, молодой человек, – подтвердил он с сугубым достоинством, услышав опять хихиканье), но, Боже, что если б она хотя один раз... Но нет! нет! все сие втуне, и нечего говорить! нечего говорить!.. ибо и не один раз уже бывало желаемое, и не один уже раз жалели меня, но... такова уже черта моя, а я прирожденный скот!

– Еще бы! – заметил, зевая, хозяин.

Мармеладов решительно стукнул кулаком по столу.

– Такова уж черта моя! Знаете ли, знаете ли вы, государь мой, что я даже чулки ее пропил? Не башмаки-с, ибо это хотя сколько-нибудь походило бы на порядок вещей, а чулки, чулки ее пропил-с! Косыночку ее из козьего пуха тоже пропил, дареную, прежнюю, ее собственную, не мою; а живем мы в холодном угле, и она в эту зиму простудилась и кашлять пошла, уже кровью. Детей же маленьких у нас трое, и Катерина Ивановна в работе с утра до ночи, скребет и моет и детей обмывает, ибо к чистоте с измалетства привыкла, а с грудью слабою и к чахотке наклонною, и я это чувствую. Раз-

ве я не чувствую? И чем более пью, тем более и чувствую. Для того и пью, что в питии сем сострадания и чувства ищу. Не веселья, а единой скорби ищу... Пью, ибо сугубо страдать хочу! — И он, как бы в отчаянии, склонил на стол голову.

— Молодой человек, — продолжал он, восклоняясь опять, — в лице вашем я читаю как бы некую скорбь. Как вошли, я прочел ее, а потому тотчас же и обратился к вам. Ибо, сообщая вам историю жизни моей, не на позорище себя выставлять хочу перед сими празднолюбцами, которым и без того все известно, а чувствительного и образованного человека ищу. Знайте же, что супруга моя в благородном губернском дворянском институте воспитывалась и при выпуске с шалью танцевала при губернаторе и при прочих лицах, за что золотую медаль и похвальный лист получила. Медаль... ну медаль-то продали... уж давно... гм... похвальный лист до сих пор у ней в сундуке лежит, и еще недавно его хозяйке показывала. И хотя с хозяйкой у ней наибеспрерывнейшие раздоры, но хоть перед кем-нибудь погордиться захотелось и сообщить о счастливых минувших днях. И я не осуждаю, не осуждаю, ибо сие последнее у ней и осталось в воспоминаниях ее, а прочее все пошло прахом! Да, да; дама горячая, гордая и непреклонная. Пол сама моет и на черном хлебе сидит, а неуважения к себе не допустит. Оттого и господину Лебезятникову грубость его не захотела спустить, и когда прибил ее за то господин Лебезятников, то не столько от побоев, сколько от чувства в постель слегла. Вдовой уже

взял ее, с троими детьми, мал мала меньше. Вышла замуж за первого мужа, за офицера пехотного, по любви, и с ним бежала из дому родительского. Мужа любила чрезмерно, но в картишки пустился, под суд попал, с тем и помер. Бивал он ее под конец; а она хоть и не спускала ему, о чем мне доподлинно и по документам известно, но до сих пор вспоминает его со слезами и меня им корит, и я рад, я рад, ибо хотя в воображениях своих зрит себя когда-то счастливой... И осталась она после него с тремя малолетними детьми в уезде далеком и зверском, где и я тогда находился, и осталась в такой нищете безнадежной, что я хотя и много видал приключений различных, но даже и описать не в состоянии. Родные же все отказались. Да и горда была, чересчур горда... И тогда-то, милостивый государь, тогда я, тоже вдовец, и от первой жены четырнадцатилетнюю дочь имея, руку свою предложил, ибо не мог смотреть на такое страдание. Можете судить потому, до какой степени ее бедствия доходили, что она, образованная и воспитанная и фамилии известной, за меня согласилась пойти! Но пошла! Плача и рыдая, и руки ломая — пошла! Ибо некуда было идти. Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти? Нет! Этого вы еще не понимаете... И целый год я обязанность свою исполнял благочестиво и свято и не касался сего (он ткнул пальцем на полуштоф), ибо чувство имею. Но и сим не мог угодить; а тут места лишился, и тоже не по вине, а по изменению в штатах, и тогда прикоснулся!.. Пол-

тора года уже будет назад, как очутились мы наконец, после странствий и многочисленных бедствий, в сей великолепной и украшенной многочисленными памятниками столице. И здесь я место достал... Достал и опять потерял. Понимаете-с? Тут уже по собственной вине потерял, ибо черта моя наступила... Проживаем же теперь в угле, у хозяйки Амалии Федоровны Липпевехзель, а чем живем и чем платим, не ведаю. Живут же там многие и кроме нас... Содом-с, безобразнейший... гм... да... А тем временем возросла и дочка моя, от первого брака, и что только вытерпела она, дочка моя, от мачехи своей, возрастая, о том я умалчиваю. Ибо хотя Катерина Ивановна и преисполнена великодушных чувств, но дама горячая и раздраженная, и оборвет... Да-с! Ну да нечего вспоминать о том! Воспитания, как и представить можете, Соня не получила. Пробовал я с ней, года четыре тому, географию и всемирную историю проходить; но как я сам в познании сем был некрепок, да и приличных к тому руководств не имелось, ибо какие имевшиеся книжки... гм!.. ну, их уже теперь и нет, этих книжек, то тем и кончилось все обучение. На Кире Персидском остановились. Потом, уже достигнув зрелого возраста, прочла она несколько книг содержания романического, да недавно еще, через посредство господина Лебезятникова, одну книжку – «Физиологию» Льюиса, извольте знать-с? – с большим интересом прочла и даже нам отрывочно вслух сообщала: вот и все ее просвещение. Теперь же обращаюсь к вам, милостивый госу-

дарь мой, сам от себя с вопросом приватным: много ли может, по-вашему, бедная, но честная девица честным трудом заработать?.. Пятнадцать копеек в день, сударь, не заработает, если честна и не имеет особых талантов, да и то рук не покладая работавши! Да и то статский советник Клопшток, Иван Иванович, – изволили слышать? – не только денег за шитье полдюжины голландских рубах до сих пор не отдал, но даже с обидой погнал ее, затопав ногами и обозвав неприлично, под видом будто бы рубашечный ворот сшит не по мерке и косяком. А тут ребятишки голодные... А тут Катерина Ивановна, руки ломая, по комнате ходит, да красные пятна у ней на щеках выступают, – что в болезни этой и всегда бывает: «Живешь, дескать, ты, дармоедка, у нас, ешь и пьешь, и теплом пользуешься», а что тут пьешь и ешь, когда и ребятишки-то по три дня корки не видят! Лежал я тогда... ну, да уж что! лежал пьяненькой-с, и слышу, говорит моя Соня (безответная она, и голосок у ней такой кроткий... белокуренькая, личико всегда бледненькое, худенькое), говорит: «Что ж, Катерина Ивановна, неужели же мне на такое дело пойти?» А уж Дарья Францевна, женщина злонамеренная и полиции многократно известная, раза три через хозяйку наведывалась. «А что ж, – отвечает Катерина Ивановна, в пересмешку, – чего беречь? Эко сокровище!» Но не вините, не вините, милостивый государь, не вините! Не в здравом рассудке сие сказано было, а при взволнованных чувствах, в болезни и при плаче детей не евших, да и сказано более ра-

ди оскорбления, чем в точном смысле... Ибо Катерина Ивановна такого уж характера, и как расплачутся дети, хоть бы и с голоду, тотчас же их бить начинает. И вижу я, эдак часу в шестом, Сонечка встала, надела платочек, надела бурнусик и с квартиры отправилась, а в девятом часу и назад обратно пришла. Пришла, и прямо к Катерине Ивановне, и на стол перед ней тридцать целковых молча выложила. Ни словечка при этом не вымолвила, хоть бы взглянула, а взяла только наш большой драдедамовый зеленый платок (общий такой у нас платок есть, драдедамовый), накрыла им совсем голову и лицо и легла на кровать, лицом к стенке, только плечики да тело всё вздрагивают... А я, как и давеча, в том же виде лежал-с... И видел я тогда, молодой человек, видел я, как затем Катерина Ивановна, также ни слова не говоря, подошла к Сонечкиной постельке и весь вечер в ногах у ней на коленках простояла, ноги ей целовала, встать не хотела, а потом так обе и заснули вместе, обнявшись... обе... обе... да-с... а я... лежал пьяненькой-с.

Мармеладов замолчал, как будто голос у него пресекся. Потом вдруг поспешно налил, выпил и крякнул.

– С тех пор, государь мой, – продолжал он после некоторого молчания, – с тех пор, по одному неблагоприятному случаю и по донесению неблагонамеренных лиц, – чему особенно способствовала Дарья Францевна, за то будто бы, что ей в надлежащем почтении манкировали, – с тех пор дочь моя, Софья Семеновна, желтый билет принуждена была по-

лучить, и уже вместе с нами по случаю сему не могла оставаться. Ибо и хозяйка, Амалия Федоровна, того допустить не хотела (а сама же прежде Дарье Францевне способствовала), да и господин Лебезятников... гм... Вот за Соню-то и вышла у него эта история с Катериною Ивановной. Сначала сам добивался от Сонечки, а тут и в амбицию вдруг вошли: «Как, дескать, я, такой просвещенный человек, в одной квартире с таковскою буду жить?» А Катерина Ивановна не спустила, вступилась... ну и произошло... И заходит к нам Сонечка теперь более в сумерки, и Катерину Ивановну облегчает, и средства посильные доставляет... Живет же на квартире у портного Капернаумова, квартиру у них снимает, а Капернаумов хром и косноязычен, и все многочисленнейшее семейство его тоже косноязычное. И жена его тоже косноязычная... В одной комнате помещаются, а Соня свою имеет особую, с перегородкой... Гм, да... Люди беднейшие и косноязычные... да... Только встал я тогда поутру-с, одел лохмотья мои, воздел руки к небу и отправился к его превосходительству Ивану Афанасьевичу. Его превосходительство Ивана Афанасьевича изволите знать?.. Нет? Ну так божия человека не знаете! Это – воск... воск перед лицом господним; яко тает воск!.. Даже прослезились, изволив все выслушать. «Ну, говорит, Мармеладов, раз уже ты обманул мои ожидания... Беру тебя еще раз на личную свою ответственность, – так и сказали, – помни, дескать, ступай!» Облобызал я прах ног его, мысленно, ибо взаправду не доз-

волили бы, бывши сановником и человеком новых государственных и образованных мыслей; воротился домой, и как объявил, что на службу опять зачислен и жалование получаю, Господи, что тогда было!..

Мармеладов опять остановился в сильном волнении. В это время вошла с улицы целая партия пьяниц, уже и без того пьяных, и раздались у входа звуки нанятой шарманки и детский, надтреснутый семилетний голосок, певший «Хуторок». Стало шумно. Хозяин и прислуга занялись вошедшими. Мармеладов, не обращая внимания на вошедших, стал продолжать рассказ. Он, казалось, уже сильно ослаб, но чем более хмелел, тем становился словоохотнее. Воспоминания о недавнем успехе по службе как бы оживили его и даже отразились на лице его каким-то сиянием. Раскольников слушал внимательно.

– Было же это, государь мой, назад пять недель. Да... Только что узнали они обе, Катерина Ивановна и Сонечка, Господи, точно я в Царствие Божие переселился. Бывало, лежи, как скот, только брань! А ныне: на цыпочках ходят, детей унимают: «Семен Захарыч на службе устал, отдыхает, тиш!» Кофею меня перед службой поят, сливки кипятят! Сливков настоящих доставать начали, слышите! И откуда они сколотились мне на обмундировку приличную, одиннадцать рублей пятьдесят копеек, не понимаю? Сапоги, манишки коленкоровые – великолепнейшие, вицмундир, все за одиннадцать с полтиной состряпали в превосходнейшем виде-с. Пришел

я в первый день поутру со службы, смотрю: Катерина Ивановна два блюда сготовила, суп и солонину под хреном, о чем и понятия до сих пор не имелось. Платьев-то нет у ней никаких... то есть никаких-с, а тут точно в гости собралась, приоделась, и не то чтобы что-нибудь, а так, из ничего все сделать сумеют: причешутся, воротничок там какой-нибудь чистенький, нарукавнички, ан совсем другая особа выходит, и помолодела, и похорошела. Сонечка, голубка моя, только деньгами способствовала, а самой, говорит, мне теперь, до времени, у вас часто бывать неприлично, так разве, в сумерки, чтобы никто не видал. Слышите, слышите? Пришел я после обеда заснуть, так что ж бы вы думали, ведь не вытерпела Катерина Ивановна: за неделю еще с хозяйкой, с Амалией Федоровной, последним образом перессорились, а тут на чашку кофею позвала. Два часа просидели и всё шептались: «Дескать, как теперь Семен Захарыч на службе и жалование получает, и к его превосходительству сам являлся, и его превосходительство сам вышел, всем ждать велел, а Семена Захарыча мимо всех за руку в кабинет провел». Слышите, слышите? «Я, конечно, говорит, Семен Захарыч, помня ваши заслуги, и хотя вы и придерживались этой легкомысленной слабости, но как уж вы теперь обещаетесь, и что сверх того без вас у нас худо пошло (слышите, слышите!), то и надеюсь, говорит, теперь на ваше благородное слово», то есть все это, я вам скажу, взяла да и выдумала, и не то чтоб из легкомыслия, для одной похвальбы-с! Нет-с, сама всему

верит, собственными воображениями сама себя тешит, ей-богу-с! И я не осуждаю; нет, этого я не осуждаю!.. Когда же, шесть дней назад, я первое жалованье мое – двадцать три рубля сорок копеек – сполна принес, малявочкой меня назвала: «Малявочка, говорит, ты эдакая!» И наедине-с, понимаете ли? Ну уж что, кажется, во мне за краса, и какой я супруг? Нет, ущипнула за щеку: «Малявочка ты эдакая!» – говорит.

Мармеладов остановился, хотел было улыбнуться, но вдруг подбородок его запрыгал. Он, впрочем, удержался. Этот кабак, развращенный вид, пять ночей на сенных барках и штоф, а вместе с тем эта болезненная любовь к жене и семье сбивали его слушателя с толку. Раскольников слушал напряженно, но с ощущением болезненным. Он досадовал, что зашел сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Сов. Россия, 1979. С. 117.

2.

Набоков В. В. Лекции по русской литературе. – М.: Независимая газета, 1998. С. 183.

3.

Цит. по: Бахтин М. М. Указ. соч. С. 13.

4.

Вайль П., Генис А. Родная речь: Уроки изящной словесности. – М.: КоЛибри, 2008. С. 220.

5.

Цит. по: Бахтин М. М. Указ. соч. С. 26.

6.

Примечания // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 6, 7. – Л.: Наука, 1973. Т. 7. С. 391.

7.

Там же. С. 324.

8.

Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. С. 198–226.

9.

См.: Фридлендер Г. М. Достоевский и мировая литература. – М.: Худ. лит., 1979. С. 295–418.

10.

См., напр.: Исаков А. Н. Достоевский и Лакан. Анализ текста «Преступления и наказания» // EINA1: Философия. Религия. Культура. 2015. Т. 4. № 1/2. С. 22–43.

11.

Примечания // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 331.

12.

Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». – М.: Просвещение, 1979.

13.

Примечания // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 335.

14.

Накамура К. Словарь персонажей произведений Ф. М. Достоевского / Пер. с яп. А. Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 2011. С. 188.

15.

Примечания // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 343.

16.

Петрушин А. Анализ истории болезни пациента Р. Р. Раскольников // Mundo eslavo. 2018. № 17. Рр. 165.

17.

Накамура К. Указ. соч. С. 167.

18.

Бахтин М. М. Указ. соч. С. 71.

19.

Шкловский В. Б. За и против. Заметки о Достоевском. – М.: Сов. писатель, 1957. С. 175.

20.

Степанян К. А. Путеводитель по роману Ф. М. Достоевского

«Преступление и наказание»: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Московского университета, 2014. С. 7.

21.

См.: Белов С. В. Указ. соч.

22.

См.: Кибальник С. А. Федор Достоевский и Макс Штирнер (К постановке проблемы) // Новый филологический вестник. 2018. № 2. С. 58–72.

23.

Накамура К. Указ. соч. С. 189.

24.

Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 222.

25.

Там же. С. 227.

26.

Шкловский В. Б. Указ. соч. С. 170.

27.

Карякин Ю. Ф. Самообман Раскольникова. – М.: Худ. лит., 1976. С. 94.

28.

Там же. С. 155–156.

29.

Исаков А. Н. Достоевский и Лакан. Анализ текста «Преступления и наказания» // EINAИ: Философия. Религия. Культура. 2015. Т. 4. № 1/2. С. 26–29.

30.

Белов С. В. Указ. соч.; Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. – СПб.: Серебряный век, 2005. С. 111.

31.

Степанян К. А. Указ. соч. С. 81.

32.

Анциферов Н. П. Петербург Достоевского. – Пб.: Брокгауз – Ефрон, 1923; Гроссман Л. П. Город и люди «Преступления и наказания» // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. – М.: Гослитиздат, 1935. С. 5–52; Лурье Л. Я. Петербург Достоевского. Исторический путеводитель. – СПб.: БХВ-Петербург, 2012.

33.

См.: Конечный А. М. Наблюдения над топографией «Преступления и наказания» // Конечный А. М. Былой Петербург. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 439–463.

34.

Шкловский В. Б. Указ. соч. С. 214.

35.

Бахтин М. М. Указ. соч. С. 21–22.

36.

Там же. С. 60.

37.

Там же. С. 276.

38.

Там же. С. 306.

39.

Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге. – М.: Прогресс-Академия, 1994; Шкловский В. Б. Указ. соч.

40.

Тихомиров Б. Н. Указ. соч. С. 57–58.

41.

Степанян К. А. Указ. соч. С. 109.

42.

Альтман М. С. Достоевский: по вехам имен. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976. С. 45.

43.

Кирпотин В. Я. Избранные работы: В 3 т. Т. 3: Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. Достоевский-художник. – М.: Худ. лит., 1978. С. 159.

44.

Сараскина Л. И. Достоевский. – М.: Молодая гвардия, 2013. С. 288.

45.

Накамура К. Указ. соч. С. 180–181.